ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЫГИН

ЭКСПАНСИЯ. ТИТАНЫ ВСЕЛЕННОЙ

ЭКСМО

ПАДЕНИЕ «ГАЛАКТИКИ»

Вячеслав Владимирович Шалыгин
Падение «Галактики»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120935
Падение «Галактики»: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-06984-4

Аннотация

Внутри межпланетного заговора, носящего многозначительное название «Галактика», таилась еще одна угроза, тщательно законспирированная, в тысячу раз более страшная – чужак. Сами заговорщики были всего лишь пешками в коварной игре посланца иных миров. Но и бездушные чудовища, направившие его в освоенный человечеством сектор космоса для подготовки вторжения, сами панически боялись тех, кто в бесконечном звездном пространстве устремился по их следам. В невероятных сражениях и мучительных раздумьях о выборе верного пути отстаивает человечество свое право оставаться самим собой.

Содержание

Часть первая 4
4
1. Земля. Игорь Спиваков. 14
2 37
3. Земля. Игорь. 49
4 70
5. Земля. Штаб «Галактики». 86
6 94
7. «Галактика» – Марс. 105
8 120
9 137
10 151
11 165
Конец ознакомительного фрагмента. 178

Вячеслав Шалыгин
Падение «Галактики»

Часть первая
ДЕТИ ПО РАЗУМУ

– Перед тем, как заслушать показания первого свидетеля, я прошу высокий трибунал изучить два фрагмента переговоров, которые состоялись на борту флагмана Основного флота Галактики семь лет назад. – Голос военного прокурора был немного простуженным. – В деле «Межгалактический Союз против военно-политической организации „Галактика“ они являются отправной точкой. Обвинение считает, что оба фрагмента неопровержимо свидетельствуют о существовании предварительного сговора между двумя группами лиц, то есть – наличии отягчающих обстоятельств.

– Я протестую, – отреагировал адвокат «Галактики», поднимаясь со своего места. – Первая запись получена после изучения данных архива радиопереговоров, поэтому имеет

вполне законную силу, однако второй фрагмент является всего лишь умозрительными заключениями одного из членов экипажа и не может рассматриваться в качестве улики.

– Протест отклонен, – ответил главный судья. – Трибунал сам решит, какая информация имеет отношение к делу. Прошу продемонстрировать записи…

Помощник прокурора вставил в проектор информационный кристалл, и сразу же, в метре от пола, перед глазами зрителей возникла голографическая проекция рубки тяжелого крейсера. На капитанском мостике возвышались две фигуры. Еще несколько человек расположились в креслах у приборных панелей. Судя по напряженным позам космонавтов, обстановка за бортом была достаточно сложной. Спустя секунду к изображению присоединился звук…

«– Господин адмирал, ваш флагман сносит к черной дыре…

– Я не слепой, капитан. Отведите свой корректировщик на безопасное расстояние.

– Разрешите отправить к вам пару буксиров.

– Это бесполезно. Крейсер уже в опасной зоне, и теперь нам остается лишь помолиться за упокой собственных душ. Незачем отправлять на верную гибель еще кого-то. Командование переходит к вице-адмиралу Викторову, крейсер 1313345…

– Господин адмирал, я приближаюсь…

– Кто это еще?

– Вице-адмирал Викторов…

– Я передал вам командование, но это вовсе не значит, что вы получили право игнорировать мои приказы! Самый полный назад, Викторов! И никаких возражений!

– Используйте палубные истребители, господин адмирал флота. Им будет легче преодолеть притяжение гипермассы.

– Я не в силах эвакуировать на истребителях весь экипаж.

– Нам нужны в первую очередь вы, адмирал!

– Без фамильярности, Викторов! Я не покину свой крейсер! Командуйте флотом, черт возьми! Если вы сейчас же не прикажете ударить в тыл баргонцам, мы утратим инициативу! Начинайте преследование противника. Это мой последний приказ!

– Слушаюсь, господин адмирал. Внимание всем кораблям флота и бортам палубной авиации, говорит командующий флотом вице-адмирал Викторов…»

Кадр сменился, и теперь все пространство голографического изображения занял крупный план двух действующих лиц, находящихся на капитанском мостике. Их образы застыли, и вместо фильма трибунал смог увидеть лишь двойной голографический портрет в сопровождении подробного пересказа дальнейшей беседы, сделанного одним из свидете-

лей, присутствовавшим поблизости…

«– Видите, как рвется к власти нынешняя молодежь? – удовлетворенно заметил адмирал Смердов, выключая прибор связи. – Дисциплина для них является отличным прикрытием. „Слушаюсь“ – и ты уже командуешь целым флотом. А вы еще сомневаетесь, справится ли со своей задачей мой протеже. Смею вас заверить, он ничуть не хуже этого бравого выскочки-адмирала. Мы не зря потратили на него время и деньги.

– Я пока не имею чести знать вашего агента, и потому мне кажется, что мои опасения обоснованы, – полушепотом произнес человек в совершенно черной униформе без каких бы то ни было знаков различия.

– Узнаете в самое ближайшее время, – заверил собеседника Смердов. – Предварительный этап завершен…

– А когда вы планируете начать следующую фазу операции? – продолжая шептать, спросил гость…

Среди космонавтов военного флота Галактики, одетых в традиционно белые костюмы, человек в траурной одежде выглядел совершенно чуждым элементом. К тому же его глаза были скрыты за темными очками, а волосы спрятаны под черным кепи. Ни яркого солнца, ни осадков внутри корабля не ожидалось, а потому эта откровенная и нелепая маскировка вызывала у экипажа недоумение и кривые ухмылки. Тем не менее экипировка и шепот, скрадывающий

тембр голоса, делали чужака безликим…

– Мы начнем через пару месяцев после того, как мой агент создаст нужную организацию, – тоже невольно понижая голос, ответил Смердов. – Сначала он должен подготовить почву. При его высоком положении это будет нетрудно, ведь он член Генерального штаба. За ним – хорошо налаженная служба вверенных ему подразделений, беспрекословное выполнение приказов высшего командования, а также слава одного из когорты победителей… Агент будет считаться безупречным служакой! По-моему, это прекрасные условия для реализации плана. Он создаст тайный военно-политический союз и одновременно начнет работать над осуществлением первой части плана. Вы будете контролировать его своими средствами, я своими… К тому моменту, когда возникнет необходимость соединить наши усилия, в руках этого человека будет сосредоточена вся реальная власть, а значит, возникнут предпосылки для реализации третьей части замысла.

– А вторая? – спросил безликий.

– Вторая часть будет краткой, хотя и очень шумной, – расплываясь в широкой улыбке, заверил Смердов.

– Так много загадок и недомолвок… – Чужак недовольно покачал головой. – Даже между нами. Зачем, например, нужна секретная организация?

– Встав во главе заговора, мой помощник не сможет сорваться с крючка и в один прекрасный момент передумать.

В таком же положении окажутся и все его единомышленники, – ответил адмирал. – Тайный союз станет своего рода страховкой. И агента, и нашей…

– Он и без того будет занят по горло, – возразил человек в черном. – К тому же мы весьма тщательно промоем ему мозги.

– Его мозги не так-то просто промыть, – с сомнением ответил Смердов.

– Мы справимся, – уверенно заявил чужак.

– Хотелось бы надеяться, – адмирал криво улыбнулся.

Человек никак не отреагировал на мимику Смердова. Заложив руки за спину, он прошелся по мостику и, остановившись напротив тактической карты, спросил:

– Итак, адмирал, приступим к активным действиям?

– Так точно! – ответил адмирал. – Но не забудьте, что наша следующая встреча станет возможной, лишь когда начнется третий этап операции. Вы уверены, что больше ничего не хотите спросить у меня?

– Абсолютно, – на этот раз ехидная полуулыбка скользнула по губам гостя.

– Ну хорошо, – Смердов пригладил редкие зачесанные назад волосы и, направив в сторону человека указательный палец, добавил: – Только запомните, что мой помощник не должен сомневаться ни секунды. Поскольку психологическая обработка лежит на вас, то и спрос будет…

– Мы понимаем… – поморщившись, прервал адмирала

гость.

– Не перебивайте! – потребовал Смердов. – Вы что, куда-то торопитесь?

– Нет, – удивленно ответил человек.

– Тогда давайте неспешно обсудим детали… – по-прежнему строго предложил адмирал.

Гость пожал плечами и подошел к столу. Было заметно, что интерес к предмету разговора он уже потерял и согласился с предложением нового союзника только из вежливости. Словно угадав его желание побыстрее закончить беседу с адмиралом, в разговор вмешался вахтенный офицер.

– Притяжение гипермассы становится критическим, – доложил он.

– Мы еще видны на радиолокаторах? – недовольно спросил адмирал.

– Уже нет, – бросив взгляд на приборы, ответил офицер. – Радиосигнал больше не может преодолеть гравитацию черной дыры и вернуться на локатор…

– Тогда уходим! – приказал Смердов. – Курс на Столицу Семи Систем. И почаще поглядывайте на экраны гиперрадаров. Особенно когда мы войдем в пространство союзников, капитан. Если нас обнаружат пограничные корабли «крабов», весь план рухнет на первом этапе…

– Мы покинем ваш крейсер чуть позже, – почему-то обозначая себя во множественном числе, сказал гость.

– Как вам будет угодно, – сдержанно ответил адмирал.

Причина его прохладного отношения к партнеру по начавшейся операции была проста. Адмирал не понимал, что за существа стали его союзниками. Их интересы совпадали с замыслом Смердова вплоть до окончания третьего условного этапа только что стартовавшей тайной войны. Дальше адмирал старался не загадывать, поскольку план был рассчитан на много лет, и что произойдет за такой длительный срок, знала лишь великая и мудрая Вселенная. Смердов был всего лишь человеком, но надеялся, что к тому времени найдет способ не только гарантированно воплотить в жизнь свой рискованный проект, но и избавиться от нежелательных партнеров. Кем бы они ни были…

Смердов поморщился. Союзник не походил на человека, однако не был он и андроидом. Подобный факт заставлял адмирала испытывать легкие приступы угрызений совести. Если эти существа окажутся так давно ожидаемыми пришельцами, то получится, что Смердов нарушил первый пункт присяги – противостоять внешнему врагу. Впрочем, незнакомец скорее напоминал простого выродка с какой-нибудь обделенной нормальными условиями жизни планеты, а потому упрекать себя Смердову, пожалуй, было не в чем.

Успокоив встревоженную совесть, адмирал переключил внимание на обзорную голограмму и мысленно попрощался с Галактикой, основным государством Млечного Пути. С этой минуты он исчезал из ее истории на несколько лет. Ис-

чезал, чтобы в нужный срок очень эффектно вернуться…»

– Довольно занимательный рассказ, – сухо прокомментировал услышанное адвокат. – Но с каких пор отрывки из художественных произведений стали приниматься военным трибуналом в качестве неопровержимых доказательств?

– Второй фрагмент представлен в качестве иллюстрации, а не прямой улики, – возразил прокурор. – Обвинение строится вовсе не на нем. Однако, чтобы лучше понять всю глубину и серьезность замыслов ядра заговорщиков, следует подойти к проблеме с максимальной детализацией даже косвенных улик.

– Вы предлагаете превратить слушания в литературные чтения? – иронично поинтересовался адвокат. – Если мы будем вдаваться в личные переживания свидетелей, то нам не останется времени для рассмотрения действительно серьезных фактов.

– Вы просто опасаетесь, что вам станет некого защищать, когда высокий трибунал не только умом, но и сердцем поймет, насколько глубокой была пропасть, к краю которой подталкивала нас «Галактика»! – гордо ответил обвинитель.

– Господа, попрошу вас прекратить дебаты и приступить к рассмотрению сути этого несомненно сложного дела, – прервал судья их спор. – Начавшийся процесс не только необычен, он еще и весьма показателен. Обвиняя людей, на-

ходившихся до последнего времени на высших ступенях власти, мы принимаем на себя огромную ответственность перед всей Галактикой. Я настаиваю на том, чтобы ни одна из сторон об этом не забывала. Мы не будем ограничивать свидетелей временными рамками или жестким требованием говорить только по существу. Свои показания они будут строить таким образом, чтобы мы могли проследить за развитием событий, начиная с происшествий пятинедельной давности.

Итак, попрошу судебных приставов впустить в зал представителей прессы и вызвать первого свидетеля…

1. Земля. Игорь Спиваков. Побуждение к действию

– Любое явление можно свести к несложной формуле, концепции или алгоритму, – Михаил взболтал остатки коктейля, затем выбросил соломинку и допил его одним большим глотком. – Если процедура выполнена со знанием дела и упрощение не хоронит основную идею, мы получаем руководство к действию.

– Например? – осоловело глядя по сторонам, откликнулся на его рассуждения Игорь.

– Например, напиток в твоем стакане, – Миша взял сосуд в руку и повертел его перед глазами, рассматривая на просвет. – Коктейль «Пришелец». Алгоритм составления известен, но как только мы пытаемся его осмыслить, тут же возникает непреодолимое желание напиться, то есть – побуждение к действию. И вот перед нами не просто коктейль, а «Пришелец» с вопросительным знаком и подтекстом: «А ну, посмотрим, что это за зверь!»

Спиваков кивнул и уставился в противоположный угол бара, туда, где минуту назад обосновались две воинственно раскрашенные девицы. Одна из них была довольно симпатичной, и, хотя Игорю всегда было чуточку неловко общаться с подобными красотками, он смотрел на нее не отрываясь. Ее подруга была большеглазой шатенкой с исключительно

стройными ногами и спортивной фигуркой, но слегка затуманенный взгляд пилота был почему-то прикован только к той, что сидела слева. Анализируя наигранно уверенное поведение девушек, Спиваков смело предположил, что до этого подруги посещали подобные заведения не больше одного раза или не бывали в них вообще. Еще Игорь прекрасно видел в испуганных и немного печальных глазах красоток глубочайшие переживания по поводу хронического отсутствия кавалеров. Наверняка именно уровень женских гормонов, дошедший в юных организмах до критической отметки, заставил девиц перешагнуть через внутренний барьер моральных устоев и пуститься на поиски приключений. Однако, оказавшись в заветном стане разврата, они растерялись, поскольку их фантазия и решимость явно остались по ту сторону стеклянной двери бара. Что делать дальше, ни та, ни другая не имели ни малейшего понятия. Игорь не раз встречался с подобными «начинающими» и научился безошибочно выделять такие чужеродные элементы из пестрой толпы завсегдатаев ночных баров и клубов. Чтобы скрыть смущение и неуверенность, девушки курили длинные тонкие сигареты. Они далеко отставляли после затяжки дрожащие руки и выпускали сизый дым почти вертикально вверх. При этом «развратницы» смешно щурились и, как им казалось, эротично складывали тщательно накрашенные губки, словно для страстного поцелуя. Актрисы из них получались на твердую «двойку». Даже без плюса.

Миша перехватил взгляд приятеля и сдержанно икнул.

– Учительницы младших классов? – выдвинул он предположение и, сделав вид, что борется с икотой, допил коктейль Игоря. – Нашли местечко, где искать суженых!

– А может быть, малышки просто решили поразвлечься? – возразил Спиваков.

– Эти? – Михаил упрямо покачал головой. – Посмотри внимательнее, у них же все поджилки трясутся, стоит кому-нибудь приблизиться к их столику хотя бы на три метра. Одно неприличное предложение в их адрес, и они убегут отсюда с чистой совестью. Нет, это не вариант…

– А кто вариант? – не сдавался Игорь. – Та брюнетка, что стащила твой бумажник на прошлой неделе?

– Не будем о грустном, – Миша улыбнулся и подал знак бармену. – Повтори!

Проворный андроид молниеносно смешал два коктейля и ловко подкатил их по гладкой стойке к друзьям. Игорь приложился к своему стакану и, снова взглянув на девиц, спросил:

– А может, попробуем? Та, что повыше, очень даже ничего…

– Это бесперспективно, – отрезал Миша. – Забудь. Лучше давай пойдем в «Дракон» и найдем Мари. Гера говорил, что у нее в штате появились новые девочки…

– Эти куклы мне уже осточертели, – заупрямился Спиваков.

– Тоже мне воплощение целомудрия! – возмутился Миша. – Ты в отпуске на Земле после трех месяцев вахты. Почему ты пытаешься загнать свое бренное тело в тупик нереализованных инстинктов?

– Да ну тебя, – Игорь махнул рукой. После пары коктейлей жест получился размашистым, но все равно убедительным. – Все инстинкты я имел возможность удовлетворять и во время вахты. Если бы ты не вел себя как кретин, то девчонки из радиоотдела проявили бы благосклонность и к твоей лысеющей персоне…

– Я пробовал, – признался Миша и тряхнул курчавой шевелюрой. – Но ты же не станешь меня убеждать, что вдруг решил завести постоянную подругу?

– А почему ты так испуганно об этом спрашиваешь? – Спиваков рассмеялся.

– Да потому, что любой женатый космонавт списывается на Землю сразу же после рождения первенца, максимум – через пару лет! Тебе надоела работа?

– Почему ты решил, что я собираюсь жениться? – Игорь толкнул приятеля в плечо. – Прекрати сам себя подзуживать! Просто мне хочется поговорить о высоких материях и поупражняться в галантности! Для таких занятий обычно требуется женское общество. Если у тебя никогда не возникает такой потребности, я не виноват!

– Хорошо! – Миша обреченно поднял руки и склонил голову. – Иди штурмуй эти бастионы. Только учти, что такие

вот «училки» ни за что не отпустят живьем, если почуют в тебе перспективную добычу, а я помочь в подобной ситуации не смогу. Это не баргонский плен. С земными женщинами, которые твердо решили выйти замуж, не справится весь Ударный флот Галактики, а не то что один безоружный пилот-отпускник. Так что иди… В добрый час! Что, уже передумал?

Игорь с тоской посмотрел на друга и вздохнул. Приятель был прав, причем все им сказанное промелькнуло у Спивакова в голове еще до того, как он решил подсесть к дамочкам, и Миша только подтвердил его собственные опасения. Игорь бросил на привлекательных девушек прощальный взгляд и вернулся к коктейлю.

– В «Дракон» пойдем? – успокоившись при виде его реакции на свою пламенную речь, спросил Миша.

– Я пас, – ответил Игорь, качая головой. – Пойду в отель и залягу спать. Постарайся не тревожить меня часов до двух пополудни…

– Как скажешь, – Миша потянулся и вновь извлек из бокала соломинку. – Твое здоровье!

Телепорт отеля явно барахлил. После прибытия Спивакова в просторный холл «Инварина» выходной контур аппарата еще пару секунд светился молочным ободком шнура-лампы. Улыбчивый портье мгновенно подхватил с полки ключ от номера и положил его на стойку вместе с классиче-

ским бумажным конвертом. В таком виде приходили только официальные приглашения на прием или поздравительные послания. Здесь консервативная часть светского общества была неумолима и никаких электронных средств связи не признавала. Игорь считал традиции вещью отсталой и нерациональной, но никогда над ними не посмеивался и даже с удовольствием пользовался их преимуществами. Например, такими, как исключительная надежность бумажной почты в сравнении с почтой электронной. Как бы странно это ни звучало. Все дело было в том, что ни одному самому любопытному портье или посыльному не могло прийти в голову заглянуть в конверт, хотя послания никто не запечатывал. Что может быть интересного в формальном приглашении господина такого-то на ужин или прием к чете таких-то? Особенно, если сравнить это сообщение с потоками информации, бурлящими в электронных сетях? Тем более никто не стал бы подбирать реагент, чтобы между строчками никчемного послания проявился текст, написанный старомодными невидимыми чернилами… В древних «низких» технологиях все же сохранялся не только шарм, но и полезный смысл.

Игорь добрался до номера и, обмахиваясь плотным конвертом, словно веером, прошел в гостиную. Плеснув в пузатый бокал немного коньяка, он уселся в кресло и вынул из конверта открытку. Спивакова приглашали на благотворительный вечер по случаю Нового года и совпадающей с ним третьей годовщины окончания Баргонской кампании.

Отправителем приглашения значился Фонд помощи семьям погибших и ветеранам. Игорь был одним из ветеранов, причем кавалером Галактической Звезды. Ордена редкого и в народе почитаемого единственным, которым не награждают за просто так. В этой части послание было более чем обосновано. Кто отправил открытку на самом деле, знали только Спиваков и отправитель – его связной. Игорь шумно прополоскал рот коньяком и, сплюнув жидкость в стоящую на столе ванночку для льда, любовно подышал на открытку. Чуть ниже тисненого текста приглашения проступили четыре колонки цифр. Пилот вынул из кармана портативный дешифратор и провел его сканером по синеватой чернильной надписи. Машинка пискнула, сообщая, что текст записан и открытку можно с чистой совестью отправить в утилизатор. Спиваков так и сделал. Через секунду от кусочка картона не осталось ничего, кроме горстки пепла. А дешифратор тем временем принялся перебирать комбинации сложнейшего шифра, изо всех сил стараясь произвести на хозяина впечатление повышенной скоростью работы и точностью перевода с языка кодов на человеческий.

«Баргон концентрирует на границе до семи флотов. «Крабы» отходят. Рубежи Галактики со стороны Андромеды открыты. Баргонцы об этом не знают, но их разведка уже в пути. Осталось не больше одной земной недели. Секретарь просит собрать совещание».

Игорь задумался. За несколькими строчками послания

скрывался тот самый алгоритм, о котором так страстно распространялся Михаил. Только это была не формула коктейля, а побуждение к действию всего военного флота Галактики. Флота, которым командовал знаменитый по фамилии, но в целях безопасности никому не известный в лицо Адмирал Викторов. Основное назначение флота заключалось в отражении нападений баргонцев – обитателей Туманности Андромеды, а также в устрашении «крабов», формально союзников, но, по словам Адмирала Викторова, «людей с гнильцой». С точки зрения Викторова, союз Галактики и Крабовидной туманности был для Земли ненужным и даже обременительным, но правительство считало иначе. Флот Галактики должен был эффективно противостоять снова накапливающей силе Империи Баргона и одновременно усмирять собственных сепаратистов, которых в Млечном Пути было хоть отбавляй. В условиях подобной вялотекущей войны на два фронта, Галактика просто не могла себе позволить дорогостоящего содержания как минимум тысячи пограничных застав еще и на трассах, ведущих в Союз Семи Систем – то есть в Крабовидную туманность.

«Итак, чтобы алгоритм заработал, следует прояснить следующие вопросы: почему баргонцы снова решили напасть? – размышлял, прогуливаясь по гостиничному номеру, Спиваков. – Возможный ответ: с чего я взял, что они так решили? Их флот, вернее до семи флотов, расположились в непосредственной близости к Галактике, но в наш адрес с их сто-

роны никаких выпадов пока не сделано. Что стало известно «крабам», если они решили отойти с границ в глубь своей туманности, нарушая тем самым соглашение о совместном патрулировании пространства между нашими галактиками? А почему я решил, что им что-то известно? Концентрация баргонцев в стратегически выгодной точке сама по себе могла оказаться для трусоватых обитателей Семи Систем достаточным стимулом к отступлению. Имперцев они боятся пока гораздо больше, чем землян, хотя последние и подтвердили превосходство своего оружия победой в Семилетней войне. Но бог с ними, дело не в союзниках. По-настоящему тревожным выглядит сообщение об отсутствии наблюдения за нашей границей в секторе, максимально близком к туманности Андромеды. В тех неспокойных местах довольно много мигрирующих точек парадоксального искривления, этаких гуляющих ям в теле пространства-времени, и потому, кроме военных, там постоянно пасутся две-три сотни тысяч научных станций. Пограничники могли перегруппироваться и выйти из привычных областей дрейфа чуть вперед или наоборот – в глубь охраняемого пространства, создав тем самым впечатление, что границы оставлены без присмотра. Чуткие к подобным вещам ученые с наблюдательных станций живо на это отреагировали – и вот вам слухи о прозрачности рубежей. Теперь вопрос: откуда мой связной узнал о том, что разведка Баргона уже в пути? Логично предположить, что от Секретаря, который являлся нашим полномоч-

ным представителем при дворе Баргона, но, поскольку он просит созвать совещание, можно сделать предположение, что Секретарь вернулся в Галактику? Как баргонцы могли допустить подобное, если нашему послу стало известно об их маневрах и переброске флотов? Сделать вид, что интересуются неизученными участками собственной туманности и потому перебрасывают корабли-разведчики в сугубо исследовательских целях, они могли только в расчете на безмозглых «крабов». Нам же доподлинно известно, что в ближайшей к Галактике части туманности Андромеды нет ничего интересующего баргонцев, а значит, ее окраины стали для их флотов всего лишь перевалочной базой. Вопрос «На пути куда?» даже не возникает. Конечно, к нам. Почему же тогда они отпустили земного посла? Чтобы вызвать к нему недоверие правительства Галактики? Слишком коварно для баргонцев, хотя они многому научились у нас за время войны и последующего мирного сосуществования…»

В конце концов Спиваков пришел к выводу, что в послании содержалось гораздо больше вопросов, чем побуждений к действию. Теория Михаила подвергалась серьезной проверке и, похоже, ее не выдерживала. В складывающейся ситуации от Игоря требовалось принятие решения и никаких ошибок он допустить не мог. Поскольку правительство правительством, а Галактикой правила «Галактика»… Огромным государством, состоящим из семи миллионов пригодных или трансформированных для жизни человека планет,

в тридцати тысячах звездных систем, которое незатейливо называлось Галактикой и располагалось в границах Млечного Пути, формально управлял Совет Представителей. Законодательное собрание, насчитывающее до тридцати миллионов членов, которые избирались каждые четыре года по одному от миллиона граждан. В исполнительных органах – министерствах – сидело еще десять миллионов представителей тех же планет. И позвольте вас заверить, ни те, ни другие не имели никакой реальной власти. Конечно, кроме тех из них, кто одновременно являлся членом «Галактики» – одноименной государству, но совершенно секретной военно-политической организации, возглавляемой загадочным Адмиралом Викторовым. Почему с главным стратегическим вопросом «Галактика» обратилась сейчас к обычному пилоту по фамилии Спиваков? Очень просто: потому, что он… Впрочем, стоит ли опережать события?

Игорь снова наполнил бокал коньяком и прошелся по комнате. Итак, Баргон вновь пошел в атаку. Сбывалось именно то, что предрекал Генеральный штаб. Адмирал тогда не послушал своих офицеров, но лишь потому, что не мог поступить иначе. Продолжение войны грозило обернуться для флота большими неприятностями, так как соотношение политических сил «Галактики» и правительства было явно не в пользу первой. Чтобы избежать политических неурядиц, Викторов прекратил преследование отступающих баргонцев и таким образом оставил в живых костяк для создания их

новой армии. После того как был улажен конфликт с правительством, военные еще могли добить Баргон, но, с точки зрения «крабов», да и немалой части землян, это могло выглядеть уже как агрессия, а не оборона. Земляне не могли пойти на то, чтобы потерять доверие союзников, поскольку из всех соседей лишь «крабы» согласились бы прийти на помощь Галактике в случае крупномасштабного конфликта. И Викторову, как он ни сопротивлялся, все чаще приходилось снимать мундир и превращаться в политика. Это принесло определенные плоды, но вот созрели наиболее горькие из них. Теперь ему предстояло начать все заново.

– Игорь Сергеевич, здравствуйте, ждем только вас, – с военным поклоном приветствовал Спивакова председательствующий на всех совещаниях текущего года командующий Разведывательными силами генерал Сыромятин. – Адмирал на связи, члены Управления и приглашенные – в зале.

– Прошу прощения за опоздание, но я не мог прийти неподготовленным, – пожимая его руку, ответил Игорь. – Прихватил с собой одну занятную запись времен прошлой кампании.

– Понимаю, – Сыромятин снова вежливо кивнул.

Продолжая обмениваться репликами, они прошли в просторный, размером с десяток футбольных полей парк-зал, где под раскидистыми старыми липами расположились управленцы и трое приглашенных, в том числе Секретарь

Галактики при дворе Баргона. Едва ступив на живую траву зала, Игорь сбросил туфли и с удовольствием принял от подлетевшего автомата стакан прохладной родниковой воды. Никакие экстренные дела не были достойны спешки. Этому правилу следовал сам Адмирал, и приучить к нему всех остальных было достаточно просто. Авторитет Викторова был неоспорим, поскольку на памяти большинства живущих в Галактике людей только он не ошибся ни в одном прогнозе и ни одно его решение не было запутанно или туманно. Сейчас, кстати, все имели возможность в очередной раз убедиться в его феноменальной правоте. По окончании первой войны Адмирал предрекал возвращение Баргона на тропу войны в самое ближайшее время, года через три… Так и происходило. Еще он понимал, что его будут осуждать за то, чего он не совершил, и обвинять в нерешительности, проявленной три года назад, и никто не вспомнит, что же послужило причиной этой «нерешительности». В первую очередь те, кто сочувствовал правительству, сорвавшему тогда полный разгром Баргона.

До полянки под деревьями было метров сто, поэтому появление Спивакова не стало неожиданностью. Когда он туда добрался, за широким дощатым столом воцарилась атмосфера делового ожидания.

– Господа, – громогласно объявил сопровождавший Игоря генерал Сыромятин, – Начальник Управления «Галактики»!

Все расположившиеся за столом участники совещания почтительно встали и замерли в ожидании ответного приветствия. Здесь следует пояснить, что Начальник Управления – это тот, кто вырабатывает решения и подает их на утверждение Адмиралу, за исключением тех случаев, когда Викторов заранее выкладывает уже готовые рецепты. Для подавляющего большинства очень неглупых членов «Галактики» Адмирал и Начальник давно слились воедино, поскольку Викторова никто никогда не видел, а Игоря знали все и решения, исходили они от Управления или от Адмирала, озвучивал тоже он. Сыромятин, например, в компании наиболее надежных членов Управления не раз откровенно посмеивался над трогательной попыткой Начальника законспирироваться при помощи сказки о непобедимом и невидимом Адмирале. Спиваков же каждый раз уклонялся от прямого ответа о загадке личности Викторова. Он вел переодетых в цивильную одежду генералов без всякой охраны в какой-нибудь бар и поил там чем попало, доказывая, что жизнь в качестве «никого» имеет бесспорные преимущества. Согласился с ним однажды лишь генерал Ли. Он как-то летел в отпуск на круизном космолете, где Игорь нес непростую вахту второго пилота. Когда после смены они встретились в игорном зале, Ли смеялся минут двадцать, но в конце концов признал, что разыскивать руководство «Галактики» среди миллиона второсортных пилотов не станет ни один сумасшедший.

Не мог же Игорь признаться, что и сам не видел Адми-

рала ни разу в жизни… Почему система безопасности была построена именно так, он не знал, просто таковы были установленные Викторовым правила игры и, если учесть современную специфику ведения войны, то Адмирала, как казалось Игорю, вполне можно было понять. Развитие информационных сетей и совершенство телепортирующей аппаратуры позволяли выследить и заполучить любого, даже самого надежно охраняемого человека, а потому, чтобы остаться вне досягаемости вражеской разведки, следовало принимать самые экстраординарные меры. Императорский двор Баргона, например, дрейфовал на громадном корабле в гиперпространстве, периодически выныривая для поддержания связи с внешним миром то в одной, то в другой части своей туманности. Игорь маскировался под заурядного пилота. Адмирал Викторов выходил из ситуации по-другому, но принцип оставался тем же…

– Садитесь, друзья мои, – неофициальным тоном предложил Спиваков. – Простите меня за опоздание и снятую обувь. Не могу удержаться от прогулки босиком по такой чудесной траве.

Присутствующие одобрительно заулыбались, а наиболее искушенные ослабили узлы модных в этом году цветастых галстуков. Озабоченность и особая тревога остались только на лице Секретаря. Он присутствовал на подобном совещании всего лишь в третий раз, и два предыдущих пришлись на время войны, а потому не были столь благодушными. Игорю

даже показалось, что в его ясных голубых глазах промелькнула тень осуждения странной расслабленности собравшихся. Двое других приглашенных были экспертами, которые довольно часто привлекались к работе Управления и потому не удивлялись уже ничему. Однажды они присутствовали на совещании, которое вообще состоялось только потому, что было заранее внесено в рабочий график. Тогда у собрания не было никакой повестки дня, поскольку дела в государстве шли своим чередом и не требовали вмешательства «Галактики». Началось заседание с небольшого застолья и плавно перетекло в шумный банкет с элементами оргии. Одного из экспертов потом пришлось уносить под белы рученьки… Нельзя сказать, что такие мероприятия были для Управления нормой, скорее наоборот, однако Викторов высоко оценил идею Спивакова с превращением совещания в гулянку, особо подчеркнув, что поведение, вернее пьяные рассуждения всех участников совещания только подтвердили их предельную лояльность и надежность. Хотя в моральном облике членов «Галактики» выявились и некоторые слабые места. Особенно после того, как приглашенный кордебалет оттанцевал положенную программу и сошел со сцены в зрительный зал…

– Я думаю, что тема совещания вам уже знакома, – без предисловий заявил Игорь. – В таком случае имеет смысл начать с первоисточника. Прошу вас, господин Секретарь, расскажите нам о планах Баргона и других причинах нашей

внеочередной встречи.

– Да, Игорь Сергеевич. – Секретарь поднялся со своего кресла и вышел из-за стола. – Вот место, где сосредоточились семь баргонских флотов.

Между двумя толстыми стволами лип вспыхнула большая трехмерная картинка. Честно говоря, даже Спивакову, вполне сформировавшемуся пилоту, изображенная на схеме туманность была совершенно незнакома. Большей части его соратников, по-видимому, тоже. Они в недоумении уставились на карту, и над поляной повисла вопросительная пауза.

– Что это, господин Секретарь? – наконец подчеркнуто нейтральным тоном поинтересовался Сыромятин.

Игорь молча кивнул, присоединяясь к его вопросу и, также покинув свое кресло, подошел к изображению. Баргонский прыжковый флот развернул несколько тысяч транспортных узлов и жилых станций прямо в космосе. Вокруг них висели гроздья пристыкованных биомеханических кораблей-прыгунов, а поблизости не было ни планет, ни астероидных скоплений, ни крупных звезд. Это был какой-то забытый всеми богами участок весьма бедной нормальными звездными системами галактики. Но самое интригующее заключалось в том, что это явно была не окраина туманности Андромеды. С какого угла ее ни разглядывай…

– Это и есть мое обоснование просьбы о созыве совещания, – пояснил Секретарь. – Запись получена из глубоко законспирированного источника, но уверяю вас, что это не

подделка и не дезинформация, слишком уж многим рискует мой агент.

– Хорошо, мы вам безусловно верим, но при чем здесь, в таком случае, наши границы с Андромедой, о которых вы упоминали в послании? – спросил Спиваков.

– Если вы помните мое сообщение, я сказал, что Баргон концентрирует силы просто «на границе», «крабы» прячутся в своем пространстве, а мы оголяем участок рубежей Галактики. Я не утверждал, что баргонцы формируют ударную группу на границе Андромеды, – возразил посол.

– Хорошо, хорошо, – снова повторил Игорь и поморщился. – Давайте все сначала и по порядку!

– В таком случае следует начать с того, что мы оголили огромный участок пограничного пространства, – ответил Секретарь. – Причем совершенно необоснованно. Генеральный штаб просто снял с боевого дежурства Семь тысяч пятую Пограничную армию и отослал ее для переформирования, не удосужившись прислать на это время замену. Подобная беспечность походит на умышленное действие, а проще говоря – на заговор.

– Разберемся, – пообещал в ответ на вопросительный взгляд Начальника Управления главнокомандующий Десантными силами генерал Ли.

Игорь перевел взгляд на Сыромятина, а затем на третьего представителя генштаба в Управлении «Галактики» адмирала Хайда, командующего вторым по величине флотом

– Ударным. Все три офицера представляли основу армии, и в том, что они разберутся, проведут в своем штабе «чистку» и никто им в этом не помешает, Спиваков не сомневался.

– Дальше, – уже не так благодушно, как раньше, потребовал Игорь, глядя Секретарю прямо в глаза.

Посол немного ссутулился, но взгляд не отвел.

– После сообщения о проблемах на границе я получил запись, – Секретарь указал на изображение, – и решил сопоставить два этих факта. При более тщательном исследовании передислокации баргонских войск я обнаружил факт номер три – их разведка отправилась с независимого астероида-маяка «Протон» в субсветовом режиме как раз в сторону незащищенного пограничниками участка. При соблюдении мер предосторожности баргонские разведчики приблизятся к Галактике в течение недели и, без риска быть обнаруженными, выяснив все, что им нужно, уйдут обратно. Вполне возможно, что «крабы» также обладают сведениями о слабости нашей границы и отходят как раз потому, что не желают ввязываться в надвигающийся конфликт…

– Ладно, – остановил его Игорь, – ход ваших мыслей мне предельно ясен, но вы так и не ответили на вопрос: где баргонцы развернули свой плацдарм? Картина созвездий не соответствует ни одной известной точке ближайшей части Вселенной, а потому ее достоверность вызывает серьезные сомнения. Это либо критически далекая туманность, либо фальсификация, как бы ни был надежен ваш источник…

– В вашем распоряжении имеются эксперты, господин Начальник, – ответил Секретарь. – Я же могу основываться лишь на умозрительных заключениях. Баргон перебрасывает силы, а его разведка прощупывает наши рубежи. Вот и все мои предпосылки. Куда переброшены семь мощных флотов, мне неизвестно, поскольку в астронавигации я не специалист, но, как дипломат, я чувствую приближение грозы. Баргон готовится к атаке, и, как только он будет готов, сразу же найдется «казус белли» – формальный повод для объявления войны. Тогда место, где прячутся сейчас их ударные силы, выяснится само собой.

Спиваков кивнул и жестом пригласил Хайда выйти к изображению. Высокий, сухощавый адмирал молча развернул проекцию на сто восемьдесят градусов по горизонтали, потом по вертикали и снова вернул ее в исходное положение. Задумчиво пригладив короткий ежик седых волос, он взглянул на Игоря и улыбнулся.

– У меня есть одна теория, господин Начальник, – наконец проронил он и, произнеся кодовое слово доступа в информационный поток, создал в воздухе, чуть левее изображения баргонского плацдарма, голограмму какого-то академического сетевого издания.

Спиваков присмотрелся повнимательнее и заметил название. «Путь звезд». Университет Симарина. Это был главный научный институт довольно приличной планеты в центре Галактики, и всегда тщательно продуманные суждения его спе-

циалистов имели огромный вес даже на Земле. Хайд был родом не оттуда, да и не воевал в тех местах, так что выходило, он следил за новостями науки по информационным сетям.

«Не странно ли? – мелькнула в голове Игоря тревожная мысль. – В том смысле, что слишком уж быстро в мозгу военного созрела такая узкоспециальная мысль, как обращение к научному сборнику определенного университета. Стечение обстоятельств? Ох не верю я в совпадения…»

– И что это за теория? – Спиваков небрежно пролистал несколько условных страниц.

– Вот, взгляните, – Хайд поразительно быстро нашел нужный разворот.

Игорь окинул картинку взглядом и сравнил ее с изображением, которое доставил Секретарь. Получалось очень похоже. Спиваков нашел пояснения и прочел их вслух.

– Млечный Путь в начале стадии формирования водородно-гелиевых звезд. Что это значит, адмирал? Разве эта стадия не продолжается уже несколько миллиардов лет?

– Вы сами ответили на вопрос, где баргонцы спрятали свой флот, – ответил Хайд и снова улыбнулся.

– В прошлом? – Игорь скривился так, словно лизнул лимон. – Вы утверждаете, что баргонцы нашли способ переноситься из настоящего в прошлое и обратно, да еще целыми флотами?

– Видимо, так, – согласился адмирал.

– Мне показалось или вы заранее знали ответ на этот

вопрос? – подойдя к Хайду вплотную, поинтересовался Игорь. – Слишком уж проворно вы нашли симаринский журнал…

– Откуда мне было знать? – укоризненно разводя руками, ответил адмирал. – Так же, как все присутствующие, я впервые увидел запись, сделанную агентами господина Секретаря. Просто история Вселенной была темой моей дипломной работы еще в академии, и с тех пор я в качестве хобби интересуюсь всеми новыми публикациями в этой области…

Игорь мысленно обозвал себя параноиком и снова обратился к Хайду, но уже без былой подозрительности.

– Путешествия во времени невозможны, адмирал. Разве не так?

– Так, Игорь Сергеевич, однако, если запись подлинная, мы видим перед собой доказательство обратного, – спокойно ответил адмирал и снова указал на изображение баргонского флота.

– Вы понимаете, господа, что это означает для Галактики? – оборачиваясь к столу, спросил Спиваков и, прищурясь, обвел всех долгим взглядом.

– Это означает неизбежность войны и ничего более, – донесся откуда-то сверху чуть усталый, хрипловатый голос Адмирала Викторова. Он действительно был на связи и слышал и видел беседу с самого начала. – Чтобы доказать подлинность голограммы, нам придется изучить весь путь, пройденный агентами господина Секретаря, но в обратном порядке,

и установить источник записи. Если это не подделка, то в процессе такого расследования выяснится и суть новых технологий баргонцев. А пока будут идти поиски истины, «Галактике» следует начать выполнение плана «А» – подготовку к отражению агрессии в любой точке пространства с последующим полным уничтожением врага и его базовой инфраструктуры военного назначения.

Все сидящие за столом слушали голос бесплотного вождя, чуть ли не открыв рот… Игорь в принципе собирался сообщить участникам совещания то же самое, но если уж Адмирал решил напомнить о себе, пилот возражений не имел. В исполнении Викторова «побуждение к действию» звучало, конечно же, более весомо…

2
Маяк «Протон» – прыжковый корабль «Алия». Люди с Баргона

– Все ваши аргументы будут рассмотрены, – пообещал капитан Сон и поднялся из-за столика портового ресторана. Так он обозначил конец короткого инструктажа, который по обыкновению перерос в жаркий спор.

– И все же я настаиваю на постановке корабля в ремонтный док… – попыталась вернуться к теме дебатов Тень, инженер биомодуля.

– Сейчас мы пройдем на корабль и тщательно проверим все его системы, – остановил ее капитан, – а потом покинем астероид и разгонимся до скорости прыжка, но прыгать не станем. У вас будет вполне достаточно времени, чтобы стабилизировать биологические элементы обшивки.

– Если мы не собираемся прыгать через гиперпространство, зачем же тогда выходить на скорость прыжка? – удивленно спросил Волк, мастер механики. – За двое суток полета мы истратим все топливо и навечно увязнем в неуправляемом свободном падении на окраину Млечного Пути.

– Падение и увязание – вещи прямо противоположные, – вместо капитана ответила Скала, коротко стриженная, высокая и синеглазая начальница десантной группы. – От маяка

до пограничной зоны Галактики в режиме разгона как раз двое суток полета…

– А обратно?! – возмущенный надменностью, с которой ему ответила Скала, спросил Волк. – Как мы полетим обратно? Может быть, вы рассчитываете, что нам дадут заправиться на военной базе Ударного флота Галактики?

– Никто нам ничего не даст, – вклинился в разговор капитан. – Мы пройдем сквозь пограничье и углубимся в Млечный Путь, смешавшись на ярмарке в районе Кита с торговыми площадками. Там нас не сможет найти никакая контрразведка. Там же мы и будем ждать условного сигнала от Принца. Потом подберем его, где он скажет, и вернемся сюда.

– Бессмысленная акция! У Принца дипломатический статус, и он совершенно спокойно может покинуть Галактику на пассажирском лайнере, – Волк покачал головой и в поисках поддержки посмотрел на Тень.

Та пожала плечами и промолчала. Скала тоже предпочла воздержаться от комментариев. Для дисциплинированной десантницы слова капитана были законом. Так, в полном молчании, они дошли до стартовой площадки, на которой гордо возвышалась многоугольная и громоздкая глыба их корабля. На пути к «Протону» корабль попал в небольшую аварию, это случилось при выходе из портала, и потому теперь старательно затягивал пробоины с помощью замазки из биологической обшивочной массы. Снаружи процесс выглядел не очень эстетично. Отвратительно пахнущая биомасса

медленно пузырилась и просачивалась во все микроскопические щели. Но самое неприятное заключалось в том, что при проведении подобного ремонта в атмосфере пузыри периодически лопались, оглушительно хлопая и забрызгивая зловонными клочками пены окружающее пространство. Если пена попадала на одежду – последнюю можно было смело выбрасывать, поскольку запах биомассы не уничтожался никакими средствами, даже молекулярными растворителями. При попадании на кожу вонючая субстанция оставляла аллергическое покраснение, но, к счастью, не более того. Космонавты невольно задержали дыхание и ускорили шаг.

– Что, нельзя было дождаться выхода в космос? – недовольно спросил у Тени Волк, демонстративно зажимая пальцами нос.

– Твое топливо для разгонных двигателей пахнет не лучше, – возразила та, мужественно вдыхая отвратительные испарения.

– Пахнет не лучше, – согласился Волк и, подавив тошноту, добавил: – но хотя бы не так воняет!

Капитан и Скала рассмеялись, а Тень только возмущенно фыркнула и, задрав и без того вздернутый носик, первой вошла в пассажирский телепорт «Алии».

На борту корабля царило приподнятое настроение, витал приятный запах чистоты и свежести. Контраст с забортным зловонием был настолько сильным, что капитан невольно сделал глубокий вдох. Он на секунду остановился напротив

двери в кают-компанию и заглянул внутрь помещения. Лица десантниц из группы Скалы, традиционно превратившихся на время стоянки из уверенных и собранных солдат в самых обычных милых девушек, почти сияли. Причину этого Сон установил сразу. В уютной кают-компании расположились несколько крепких и загорелых пилотов с независимой колонии Гексагон. Эта искусственная планета, состоящая из нескольких миллионов жилых, промышленных и военных модулей, обосновалась в границах пространства Баргона, но считалась нейтральной, так как обеспечивала доступ в сложный для субсветового подлета участок между семью крупными точками искривления пространства. Пройти мимо семиугольника из пока еще слабо изученных участков нестабильности материи через гиперпространство можно было только либо прыгнув прямо на Гексагон, либо обойдя опасное место по цепи из семнадцати обходных порталов. Ни Галактика, ни Баргон пока не имели кораблей, способных сделать больше десяти прыжков на одной заправке, а потому, по молчаливому, но твердому согласию, отвели Гексагону роль нейтральной территории. Землянам такой статус колонии был выгоден, поскольку обеспечивал прямой торговый путь в Крабовидную туманность, к их главным военным и политическим союзникам. Галактика не раз подчеркивала, что независимость Гексагона является главным фактором его развития, и всячески поддерживала колонию как морально, так и материально. Баргон, считавший Гексагон формально сво-

ей территорией, всеми силами способствовал превращению заблуждения землян в твердую уверенность, поскольку не только получал часть прибылей от предприятий колонии, но и мог вести активную разведывательную деятельность среди транзитных пассажиров из числа граждан Галактики.

При появлении капитана шумное веселье в кают-компании несколько поутихло, но по инерции продолжилось, как только он приветственно махнул пилотам рукой и продолжил свой путь в рубку. Скала и Волк проследовали за ним, а Тень скрылась в своем любимом биомодуле. На мостике дежурил Ястреб, первый пилот и старший помощник капитана в одном лице. Вечно недовольная гримаса, нахмуренные брови и крючковатый нос делали пилота действительно похожим на хищную птицу, хотя родители, давая ему при рождении это имя, наверняка имели в виду что-то другое. Ястреб кивнул вошедшему капитану и указал на центр рубки, где плавало условное обозначение отсроченного послания по гиперсвязи. Сон пристально посмотрел на голограмму, и та ожила. Посреди помещения появился офицер в форме дворцовой гвардии, со значком фельдъегеря на груди.

– Капитан Сон, – представился командир «Алии» и, указав на стоящих рядом космонавтов, неторопливо добавил: – Боевой лейтенант Скала, мастер механики Волк, старший помощник Ястреб.

Фельдъегерь покачал головой и ответил негромко, но требовательно:

– Разговор касается только вас, капитан, и боевого лейтенанта.

Сон кивнул и оглянулся на стоящих позади пилота и механика. Те безропотно вышли в коридор, а Скала включила экранирующее поле. Теперь беседу могли слышать и видеть только трое: Сон, Скала и безымянный офицер Баргонской Императорской гвардии.

– Я боевой гвардии майор Удар, – наконец представился офицер. – Уполномочен предложить вам полетное задание.

Сон не стал скрывать удивления и переглянулся со Скалой. Девушка приподняла идеально вычерченные брови и пожала плечами. Сомневаться в подлинности собеседника не приходилось, но «Алия» уже имела полетное задание и повторно давать указания было совсем не в правилах дисциплинированного баргонского флота. Тем более его Службы дальней разведки. Сон понимал, что офицер прекрасно знает о зародившихся в его душе сомнениях, но все же спросил:

– Мы переходим на режим поэтапного получения приказов?

– Нет, капитан, – ответил Удар. – Это задание окончательное, и других этапов с корректировкой плана действий не будет. Миссия весьма серьезна, и вам придется уйти в радиотень до самого возвращения на Баргон. Никаких сеансов связи более не предвидится. Действия вашего экипажа и десантной группы будете определять только вы и боевой лейтенант. Итак, ваш конечный пункт – Земля.

Сон усмехнулся и потер кончик носа. Скала нахмурилась и непроизвольно сложила крепкие руки на груди.

– Вероятность успешного выполнения любого задания в метрополии противника близка к нулю, – заметил капитан. – Особенно если нам поручат взорвать флагман Адмирала Викторова.

Майор сдержанно улыбнулся и по-прежнему спокойно, словно никакой реплики Сна не было, продолжил:

– Все гораздо проще, капитан. Вы должны найти и уничтожить пилота второго класса Игоря Спивакова. Он служит на круизном судне «Николай Романов», но сейчас находится в отпуске, пропивая честно заработанные рубли в клубах и барах Южной Европы. Найти его несложно, убрать тем более – у второсортных пилотов телохранителей не бывает, – однако генерал разведки Ветер не может доверить эту миссию ни одному действующему на Земле агенту, поскольку у нас имеются весьма обоснованные подозрения, что часть агентурных сетей раскрыта и ведет контригру под наблюдением землян. Кто именно встал на сторону противника, нам неизвестно, поэтому вы будете действовать исключительно собственными силами.

– Понятно, – сказал Сон и, хитро прищурившись, уточнил: – Второго класса? Что же такого ужасного мог натворить этот никудышный пилот? Ограбил пьяного имперского дипломата или покусился во время круиза на честь какой-нибудь придворной дамы?

– Я не могу раскрыть вам истинную причину интереса нашей Службы к Спивакову, – офицер развел руками.

– Кто же сомневался? – с усмешкой заметил Сон. – Но поскольку вы готовы потерять целый специально укомплектованный корабль, то парень того стоит, и нам придется сделать все возможное, чтобы вернуться на Баргон с его головой.

– Или не вернуться вовсе, – добавила молчавшая до сих пор Скала.

– Парень, как вы его назвали, стоит половины Имперского флота, – туманно пояснил Удар и развернул портретную проекцию Игоря в полный рост. – Большего я вам сообщить не могу.

– Ого! – Сон с уважением взглянул на изображение противника. – А с виду не скажешь.

– Симпатичный, – холодно заметила Скала и заставила проекцию пройтись. – Но никаких особых примет. Рост средний, фигура стандартная, походка ровная, лицо типичное евроазиатское…

– Ты, я смотрю, уже решила, как будешь действовать, когда найдешь этого пилота? – с ехидцей поинтересовался Сон.

– Ревнуете, капитан? – спросила десантница и улыбнулась.

– Хочу вас предупредить, что объект может быть неплохо подготовлен к встрече с диверсантами и физически, и теоретически, а также укомплектован необходимым оборудовани-

ем. Поэтому устранять его придется всей десантной группой при технической поддержке «Алии», – сказал Удар. – Учтите также, что Игорь Спиваков не искусственный, а естественнорожденный человек, причем родился и вырос на Земле, а не в каком-нибудь военно-воспитательном лагере, типа баргонской Спарты. Этот нюанс, как вы понимаете, говорит и о его слабостях, и о преимуществах. Вероятно, он не может соперничать с андроидами по части физической силы, выносливости, скорости реакции и владения оружием. Не столь высока и его живучесть. Но он обладает довольно нестандартным мышлением и способен к ситуационному творчеству, а в тайных операциях это гораздо важнее. Поэтому командование настаивает на участии в работе десантной группы и членов летного состава.

– Да кто же он такой?! – теперь не смогла сдержать удивления даже Скала. – Пилот или профессиональный контрразведчик?

– Я оставлю вам его подробное, насколько это возможно, досье, – ответил офицер, – а также все коды, нужные для беспрепятственного пролета по Млечному Пути. Вам придется поспешить, поскольку очень скоро участок границы, через который вы войдете в Галактику, будет снова перекрыт.

– И каков у нас запас времени? – спросил Сон.

– Семьдесят два земных часа.

– Но нам только до границы двое суток лета! – возмутилась Скала.

– Подожди, – остановил ее капитан. – Последний вопрос, боевой майор.

– Задавайте, – согласился Удар.

– Максимальная цена задания?

– По-моему, приказ не может быть предметом торга, но я закрою глаза на подобное нарушение дисциплины и отвечу: вы обязаны уничтожить пилота любой ценой, – офицер неодобрительно нахмурился. – Можете, отключив двигатели, сбросить «Алию» ему на голову прямо с орбиты. Главное – устранить объект. Это приказ генерала Ветра.

– Ясно, – потирая покрасневшее ухо, ответил Сон. – Если не возражаете, мы не станем терять время и стартуем прямо сейчас, а с досье объекта ознакомимся после разгона, в прыжке.

– Я не возражаю, капитан, но обязан вам напомнить, что войти в Галактику незамеченным можно лишь на субсветовой скорости в обычном пространстве.

– У меня только семьдесят два часа, боевой майор, и ради сомнительной конспирации я не намерен терять даже секунды… – Сон ответил немного резко, но Удар на его дерзость не отреагировал.

– Как знаете, капитан. Задание вы получили…

Голограмма гиперсвязи погасла, и Сон устало потянулся. Скала, на минуту забыв, что она боевой лейтенант, прижалась к его плечу и тяжело вздохнула.

– Почему это происходит именно с нами, Сон? Квоты на

прибыльные частные рейды получают павлины из Императорского эскорта, а на самые безумные и невыполнимые задания в тылу врага отправляется исключительно «Алия»?

– Потому, что мы каждый раз справляемся и выполняем их, – ответил капитан и ласково погладил ее по щеке. – А еще потому, что настоящий Баргон это не двор или генштаб, а мы. Люди, андроиды и корабли…

– Ты поэт, Сон, – десантница грустно улыбнулась. – Когда ты вот так говоришь, я почему-то начинаю представлять тебя в ложе Совета, на скамье фракции Творцов слова… Ты мог бы стать весьма неплохим политиком, я уверена.

– Для того чтобы стать политиком, надо иметь связи, а не талант, – возразил Сон. – В нашем Совете только формально все творцы. Просто потому, что так требует закон. Параграф, обязывающий кандидата в члены Совета создавать какие-либо художественные произведения или научные труды, не обойти, но хитрить и не требуется. Члены Совета это давно уже поняли. Ведь на самом деле половина пробившихся в ложу депутатов свои труды не то что не писала, но и не читала… Поскольку купила их у бродячих поэтов или музыкантов… Но главное, моя милая Скала, заключается в том, что я доволен своей жизнью капитана этого корыта и еще я люблю боевого лейтенанта, а при дворе любовь к андроиду считается низшей точкой падения человека…

– Я тоже люблю тебя, Сон, – дрогнувшим голосом ответила Скала и обняла капитана за шею. – Баргон – это мы…

– Баргон – это мы, – повторил Сон и поцеловал девушку. – Иди, провожай гостей. Нам пора отправляться на Землю. Честно говоря, я даже немного волнуюсь. Вдумайся, мы отправляемся на Землю – несмотря на современную разобщенность человечества – общую для всех родину предков…

3. Земля. Игорь. Сердце андроида склонно к… чему?

Совещание закончилось далеко за полночь. Последние детали обсуждались уже узким и отчасти виртуальным составом: Викторов, Спиваков, Хайд и Ли. Сыромятин вместе с остальными участниками совещания отправился инспектировать стратегический центр, из которого в кризисных ситуациях велось управление войсками. Технической службе следовало в кратчайший срок расконсервировать все помещения центра и перебросить туда основные информационные потоки. Окунувшись в неотложные практические дела, генерал ловко переложил свою долю ответственности за принимаемые решения на плечи оставшихся и таким образом избежал мучительных раздумий. В голове Игоря, например, к двум часам ночи не осталось ни одной толковой мысли, а глаза покраснели от бесконечных просмотров различных документов и сюжетов. В основном это были сводки о боевой готовности десантно-штурмовых подразделений и флотов на базах, колониях, планетах и пограничных заставах. Особое внимание уделялось системам защиты от проникновения из гиперпространства прыжковых кораблей противника. После гибели в прошлую войну менее маневренной части баргонского флота «прыгуны» составили основу мощи войск его Императорского Величества. Готовыми порталами

в современной армии пользовались только громоздкие корабли-матки, десантные транспортники, тяжелые крейсеры и подвижные форты. Прыжковые же корабли могли разгоняться до скорости перехода в гиперпространство без всякой помощи извне и потому выныривали в любой точке нормального пространства всегда неожиданно. Нанеся удар, они снова исчезали, и догнать их было чрезвычайно сложно. Они, словно подводные лодки из мифов о морских баталиях древности, имели неоспоримое преимущество, ныряя туда, где обычные корабли становились бессильны. У Галактики, конечно же, существовали способы раннего обнаружения подобных рейдеров и средства для борьбы с их набегами. Но земляне не могли разместить необходимые приборы в каждом кубическом парсеке пространства, и потому прыжковый флот врага оставался для их обороноспособности основной и наиболее реальной угрозой. Единственным минусом «прыгунов» являлась невозможность точного расчета выходной точки прыжка. Для этого им требовался сигнал маяка или узла связи на выходе. Потому согласованность действий таких кораблей в группе становилась минимальной. Собрать переместившийся приблизительно в один район пространства флот можно было, только потратив массу дополнительного времени. Разброс выхода прыжковых кораблей составлял до пяти парсеков, а это больше, чем шестнадцать световых лет. Собираться в кучу на субсветовых скоростях при таком рассеивании было делом гиблым, следовательно – им приходи-

лось снова прыгать и снова с приблизительными ориентирами. Исключения составляли рейды лазутчиков в промышленные районы Галактики. Там они могли совершенно точно ориентироваться на стандартные позывные стационарных порталов и гипермаяков. «Прыгунам» оставалось лишь внести поправку, например, в несколько световых минут и вынырнуть у ничего не подозревающей планеты на расстоянии в пару астрономических единиц. То есть на расстоянии удара. Земляне также понимали, что данный минус с лихвой компенсируется стартовой подвижностью вражеских кораблей-разведчиков. Кроме того, военных Галактики восхищала маневренность «прыгунов» в бою, хорошее вооружение и защита, состоящая из силовых полей и органической обшивки. Диверсии, проводимые прыжковыми кораблями баргонцев, практически всегда проходили с большим шумом, но уничтожить диверсанта землянам доводилось очень редко. Предотвратить же акцию удавалось только в том случае, если выпадало счастье перехватить полетное задание или заранее получить сведения от шпионов в стане Баргона. В связи с этим беспокойство военных по поводу перегруппировки баргонских флотов в неизвестном секторе пространства становилось вдвойне обоснованным. Семь флотов прыжковых кораблей могли разрушить до двадцати процентов стратегически важных объектов на планетах Галактики, примерно столько же порталов и нанести значительный ущерб тыловым вспомогательным базам. Вооружение их систем оборо-

ны не шло ни в какое сравнение со штурмовой мощью даже одного стандартного прыжкового корабля. Адмиралы флота Галактики понимали, что в случае начала новой войны Баргон ни за что не пойдет в лобовую атаку. Тактике землян, которая предполагала наступление в тщательно продуманном боевом порядке, баргонцы противопоставляли глобальную диверсионную операцию силами мобильных групп по три-пять кораблей. Причем связаны между собой «прыгуны» были не необходимостью суммировать огневую мощь, а лишь заданием действовать примерно в одном участке космоса. По этой причине случайное формирование мелких подразделений происходило так же внезапно, как перемещение в пространстве. Если прыжковый рейдер видел особо крупную цель, он вызывал ближайшего соратника, а после нападения они снова расходились в разные стороны и патрулировали в отведенном им квадрате, выискивая очередную жертву. Выловить столь хаотично курсирующие корабли было чрезвычайно сложно. Поэтому собственные прыжковые подразделения флота Галактики занимались только тем, что охотились на рейдеры баргонцев. Для боевых действий в глубине туманности Андромеды «прыгунам» земного флота не хватало ни времени, ни опыта. К тому же у Баргона было нечто, позволяющее вылавливать редкие диверсионные группы противника гораздо более эффективно, чем это получалось у землян. Сыромятин был уже пятым командующим Разведывательными силами, который безуспешно пы-

тался добыть секрет баргонских систем обнаружения диверсантов. Предыдущих четверых Адмирал Викторов отправил в отставку именно из-за того, что они не смогли переиграть баргонскую контрразведку, которая умело пресекала попытки землян добыть заветные чертежи. Сыромятин пока держался, но только потому, что в последние три года не велось боевых действий. Сейчас все менялось, и генерал прекрасно понимал, что времени на тонкие оперативные мероприятия у него не осталось. Теперь, исходя из стратегической обстановки, следовало действовать грубо, но обязательно эффективно.

Совещание закончилось только после того, как Игорь окончательно перестал соображать и взмолился, взывая к неутомимому Викторову:

– Господин Адмирал, помилуйте! Мои скромные человеческие силы на исходе!

– А у меня они что, нечеловеческие? – сурово поинтересовался невидимый Викторов. – Ладно, немного отдохните. Продолжим в восемь утра. Сбор в стратегическом центре.

– И на том спасибо, – немного нахально ответил Спиваков и встал, разминая затекшие от долгого сидения ноги. – Спокойной ночи, господа…

Несмотря на усталость, он покинул дворец спорта и развлечений, где проходила тайная встреча, пешком, игнорируя внутренний портал. После утомительного мозгового штурма ему хотелось пройтись и немного развеяться. Игорь дви-

нулся по тихой ночной улице к телепорту метро. Так назывались все общественные порталы Европы, хотя ничего общего со старинной системой подземных железных дорог у единственного вида городского транспорта не было и в помине. Улица шла немного под уклон и потому шагать было легко и приятно. Ночной ветер был неизмеримо приятнее искусственных порывов в парк-зале и нес, кроме свежести, необъяснимый оттенок натуральности. Он был словно живой человек, которого вы встретили после знакомства с его голограммой. Прикосновения настоящего ветра были наполнены чувством. Тем, что никогда не смоделировать ни в одной аэродинамической трубе. Звуки и запахи, шаги, музыка, индустриальные шумы, попискивания и звонки – все это покоилось на его невесомой платформе и одновременно ее составляло. Спиваков с удовольствием вдохнул воздух полной грудью и поднял глаза к чистому небу. В просвете узкого колодца, который образовывали стены окружающих трехсотметровых зданий, был виден лишь кусок темно-синего потолка мироздания с обрывком Большой Медведицы и размытым краешком облака Млечного Пути. Луна была ущербной, да к тому же пряталась за небоскребами, так что с ней поздороваться Игорю не пришлось. Объемные уличные светильники были настроены на весьма ненавязчивую яркость, а потому позволяли видеть небо и звезды, но в то же время не спотыкаться о бордюры тротуаров и сохранять лирическое настроение. Это на случай, если бы вам, например, довелось

прогуливаться не в гордом одиночестве и в голову забрела бы мысль пообниматься среди кустов. Словом, осветительной службой поддерживалась этакая «белая ночь».

Пройдя пару кварталов, Игорь с удивлением обнаружил, что стоит перед тем самым баром, где несколько часов назад поглощал коктейли в компании Михаила. Приятели захаживали сюда почти каждый день, но всегда пользовались телепортами, и потому Игорь впервые увидел, как выглядит заведение с улицы. Какая-то неоформленная мысль толкнула его под локоть, и он свернул в раскрывшуюся дверь. Заведение уже почти опустело, но приветливый бармен по-прежнему энергично протирал и без того идеально чистые бокалы и, завидев гостя, несказанно обрадовался.

– А «училки» ушли почти сразу после вас с Мишей, – вместо приветствия сообщил он, подавая Игорю стакан с шипящей кока-колой.

– Почему ты решил, что я вернулся сюда, чтобы выяснить судьбу этих девиц? – удивленно спросил Спиваков.

– Человеческая психология – мой конек, – скромно потупясь, ответил бармен. – Но разве я не прав? Признайся, Игорь, ты же хотел колу?

Совершенно растерявшись, пилот взглянул на свой стакан и удивленно кивнул. Этот бармен внезапно раскрылся перед ним с совершенно неожиданной стороны. Впрочем, если бы парень узнал, кем Игорь является на самом деле, то они были бы в равном положении. Наверняка андроида это откры-

тие потрясло бы не меньше, чем Игоря фокус с напитком и «учительницами».

– Слушай, гражданин Яков, а ты не мог бы рассказать мне о тех девушках что-нибудь еще? – заинтересовавшись столь выдающимися способностями бармена, спросил Спиваков.

– Нет, Игорь, не мог бы, – андроид с искренним сожалением развел руками, – но ты не подумай, что я привередничаю. Просто о них нечего рассказывать. Типичные гражданки. Похожи на продукцию компании «Генезис», хотя, возможно, та, что повыше, выращена на «Мацушите».

Игорь, чуть не захлебнувшись напитком, поднял на бармена покрасневшие глаза и переспросил:

– Так они андроиды?

– Я же сказал – гражданки в чистом виде! – подтвердил Яков и, чтобы утешить уязвленную человеческую гордость собеседника, добавил: – Но насчет их профиля вы попали в яблочко. Учительницы младших классов.

Спиваков сокрушенно покачал головой и заказал еще стакан шипучки.

– Давай-ка я лучше сварю тебе кофе? – предложил Яков. – За счет заведения?

– Валяй, – согласился Игорь и, пока бармен отвлекся на разведение открытого огня под наполненной песком металлической посудиной, пробормотал: – Надо же было так оплошать!

– Да что ты убиваешься? – посочувствовал андроид. – Я

понимаю, если бы ты узнал об этом утром, после бурной ночи. Хотя даже в этом варианте не нахожу ничего предосудительного.

– Это ты не находишь, – возразил человек.

– Нет, посуди сам, я подаю тебе пищу, разве это не более интимно, чем ночные забавы? Но общения с искусственным поваром или официантом ты не избегаешь…

Яков завел любимую пластинку всех андроидов, и Спиваков уже пожалел, что согласился на кофе. Заметив его взгляд в сторону двери, бармен сразу же замолк и вернулся к приготовлению напитка. Проблема равноправия людей и андроидов, по глубокому убеждению Игоря, была непомерно раздута ангажированной прессой, но тем не менее она существовала, хотя и не в таком виде, как, например, на Баргоне. Там к пожизненной профессиональной специализации андроидов непременно добавлялась приписка к определенному учреждению, компании или конкретному человеку. Такое положение искусственных людей напоминало феодальное право или даже рабство, но андроиды, выпускаемые баргонцами, имели совершенно другие психологические установки, и для них подобное неравенство было вполне естественным. Граждане Галактики не ограничивались ни в чем, но заставить некоторую часть людей признать андроидов равными по всем статьям общество было бессильно. Одна из таких «статей» касалась интимных вопросов. Искусственные женщины и мужчины были гораздо более краси-

вы внешне, но браки с ними оставались бесплодными, а потому не приветствовались. Конфликт инстинктов и разума приводил порой к печальным последствиям. Одно время даже бытовало мнение, что андроидов следует делать чуть ли не уродами, однако оно так и не собрало достаточного количества сторонников, и люди продолжали любить прекрасных, умных и сильных, но рожденных уже взрослыми женщин и мужчин, а браки заключали исключительно между собой. Странная структура общества постепенно перестала казаться двусмысленной, и андроидов оставили в покое, хотя и мстительно приклеили к их именам отличительный ярлык «гражданин»…

Игорь сделал глоток превосходного кофе и сразу же подобрел. За чашечку этого чуда он готов был простить Якову любое брюзжание.

– Честно говоря, лично мое предубеждение к андроидам – это всего лишь отголоски воспитания, – сказал пилот. – С каждым годом они становятся все слабее.

– Я передам твои слова той, что повыше, если она появится здесь снова, – улыбаясь, пообещал Яков. – Думаю, несколько лет она подождет…

– Постой, она интересовалась моей персоной?! – в очередной раз удивился Спиваков.

– Да, поскольку приняла тебя за гражданина и хотела познакомиться, но стеснялась, – просто ответил бармен, искоса наблюдая за его реакцией.

Игорь не обиделся на сравнение с андроидом. Его встревожило другое. Слишком уж продуманно был построен спектакль, и если бы не пьяный Мишка, то пилот непременно оказался бы за столиком «учительниц». Допрос бармена окончательно убедил его в неслучайности появления девушек в этом баре, и всегда готовая проснуться паранойя так и поступила. Он допил кофе и, пожав Якову руку (отчего гражданин расцвел, как пион), шагнул через портал в холл своей гостиницы.

Где, как, впрочем, и ожидалось, его чуть не сбила с ног куда-то «спешащая» высокая учительница…

Прелюдия была недолгой. После интенсивного получасового ухаживания девушка сдалась, и они покинули просторный холл, поднявшись в номер Игоря на старомодном механическом лифте. Гражданка с романтическим именем Энола казалась предельно застенчивой и на первый взгляд не задумывалась, чем может обернуться ее легкомысленное согласие отведать спрятанного в мини-баре вина. Инстинкт требовал от Спивакова следить за каждым движением новой знакомой как потенциально опасным, но в три часа ночи да еще после напряженного совещания он был совершенно не готов прислушиваться к его мудрым советам и предупреждениям.

– Я на Земле впервые и потому решила не терять ни секунды, – щебетала девушка, сидя на краю дивана и осторожно вдыхая аромат хорошего вина. – Моя подруга не выдержала

и уснула, а я целых три часа промучилась от бессонницы и решила рискнуть. Ночной город – это совершеннейшее чудо. Он словно живое существо: дышит, работает, смеется… Симарин тоже интересен, но там все значительно проще.

– Вы живете на Симарине постоянно? – спросил Игорь, внимательно наблюдая за реакцией ее зрачков и движениями глаз.

– Да, я работаю в одной из подготовительных школ Атриума, главного портового города. Он тоже очень большой… Ой, кому я рассказываю, вы же наверняка там бывали? – Она коротко рассмеялась.

Пилот вежливо улыбнулся и кивнул. Пока она говорила правду. Или он просто не мог рассмотреть признаков обратного. Глаза собеседницы блестели, не бегали, а зрачки сохраняли постоянный диаметр.

– Я готовилась к этому отпуску два года, – призналась Энола, – и хотя еще не освоилась, мне уже начинает здесь нравиться.

– А почему вы не воспользовались информационной реальностью? По-моему, там можно получить точно такой же комплекс ощущений, и даже больший, почти бесплатно.

– Ну что вы, разве можно сравнить настоящую поездку с виртуальной?! Хотя бы сам перелет, томительное и волнующее ожидание прибытия… А какое удовольствие испытываешь, делая первый шаг из посадочного портала на землю?! Первый вдох, первое впечатление! Не то, что предлагают ре-

жиссеры туристических программ, а свое собственное. Вы знаете, первое, что я увидела, когда вышла из космопорта, был испорченный и потому переполненный утилизатор мусора! Представляете?! На его крышке сидела облезлая полосатая кошка, а рядом с ней прыгало несколько взъерошенных воробьев. Меня еще очень удивило, что животное не обращает на птиц никакого внимания… Разве это можно увидеть в информационном потоке?

– Сдаюсь, – Игорь поднял руки и рассмеялся, – подобное можно встретить только в реальной жизни.

– А потом – люди, – продолжила Энола. – Живое, настоящее общение не с голографическими собеседниками или разумными машинами, а с реальными людьми из плоти и крови… Это стоит всех инфопотоков вместе взятых…

Она выразительно посмотрела Игорю в глаза, и он понял, насколько глубоко заблуждался, когда решил, что ей неведомо, зачем девушки приходят в гости к мужчинам, особенно по ночам…

Игорь прислушался к внутреннему голосу, но тот упрямо молчал. Как ни странно. А ведь гостья была именно андроидом, и всего час назад он содрогался при одной только мысли о том, что может произойти в соответствующей обстановке. Ко всему прочему девица так и не призналась, что является «гражданкой», а значит, на то у нее имелись особые причины. Какие? Игорю было почему-то наплевать, хотя сам факт умолчания безусловно свидетельствовал о возможной

опасности. Почему он верил не себе, а ей? Гипноз? Очарование совершенством ума и тела? Жажда приключений? Всепобеждающее вожделение?

Игорь поймал себя на том, что практически растворяется в кипящем океане желаний и внезапной, а оттого практически непреодолимой влюбленности. Нахлынувшее чувство было неестественно сильным, и приглушенный усталостью инстинкт самосохранения все-таки попытался обратить на это его внимание, однако Спиваков совершенно лишился способности соображать и принимать разумные решения. Энола еще что-то говорила, но Игорь ее уже почти не слышал, поскольку все его существо сосредоточилось на нежнейших ласках, которые очень быстро свели беседу на нет…

Это продолжалось до самого рассвета…

А когда на улице стало совсем светло и пилота оставили последние силы, она сладко потянулась и, словно невзначай, опустила руку в брошенную у кровати сумочку. Игорь видел это из-под полуопущенных век. Его тело охватила сладкая, почти парализовавшая истома. Энола нежно провела пальцами по щеке Игоря, и он по-детски уткнулся лицом в ее упругую грудь. То, что руки девушки вдруг поднялись над его головой, он не увидел, а только почувствовал. В следующее мгновение кожу на шее обожгло прикосновение холодной струны, и Спиваков мгновенно сообразил, что на него наброшена металлическая удавка. В глазах стало стре-

мительно темнеть, и правая рука пилота невольно скользнула под подушку. Там, между спинкой кровати и матрасом, был спрятан длинный изящный стилет. Игорь, рискуя усилить и без того нечеловеческий нажим душившей его Энолы, сгруппировался и, высвободив руку с оружием, ударил девушку ножом в живот. По его пальцам побежала теплая кровь, и удавка ослабла. Игорь потянул нож на себя и столкнул недавнюю возлюбленную на пол. Сорвав с шеи стальную петлю, он вскочил на ноги, но головокружение не позволило достаточно быстро сориентироваться в обстановке. Энола, несмотря на рану, проворно поднялась с ковра и бросилась к двери. Спустя пару секунд головокружение прошло, и Спиваков, прихватив с кровати одеяло, побежал следом.

Что-то в поведении андроида его серьезно смутило. Игорь никак не мог понять, почему она бросила свое черное дело на середине и сбежала. Ножевая рана была глубокой, но вряд ли смертельной даже для человека. Для боевого андроида это был вообще пустяковый надрез. Тем не менее она бросилась бежать…

«Почему, черт возьми?! – спрашивал он себя. – Энола перевоспиталась в результате трехчасового приступа нежности и страсти? Посчитала интимную связь с человеком ритуалом вступления в общество людей? Просто помешалась?»

Ходили слухи, что в последнее время среди андроидов ментальные расстройства стали весьма распространенной болезнью.

Нет, вот так, на ходу, найти ответ было просто невозможно. Девушку следовало обязательно догнать…

В коридоре не было ни одной живой души. Игорь обмотался одеялом, наподобие тоги, и наклонился, рассматривая капли упавшей на пол крови. Они вели к лестнице черного хода. Пилот подбежал к белоснежной двери и дернул за ручку. Только сделав это, он сообразил, что теперь не сможет определить, была ли она испачкана кровью раньше, ведь на его пальцах тоже осталась свежая кровь андроида. Дверь не подавалась, словно ее заперли, хотя замка Игорь не видел. Он попытался навалиться посильнее, но у него так ничего и не вышло. Спиваков выровнял дыхание и, сосредоточившись, как в свое время его учил тренер по рукопашному бою, нанес чуть выше ручки сильный и резкий удар открытой ладонью. Послышался треск ломающегося пластика, и дверь широко распахнулась. Игорь выглянул на лестницу и прислушался. Далеко внизу раздавались торопливые шаги. Что-то в них показалось ему неправильным. Пилот подошел к перилам и взглянул на площадку одним пролетом ниже. Шаги были слишком тяжелыми и уверенными для босых ног раненой девушки, хотя она и была боевым андроидом. Игорь сообразил это не потому, что обладал достаточной способностью к аналитическому мышлению, а потому, что Энола уже никуда не бежала. Она неподвижно лежала на ступенях запасной лестницы, а ее голова была повернута к телу под совершенно неестественным углом. Спиваков даже не стал

проверять, есть ли у девушки пульс. Бесшумно шагнув назад, он осторожно прикрыл дверь и, стараясь не слишком громко шлепать голыми пятками по теплому полу коридора, вернулся в свой номер.

Можно легко догадаться, насколько противно было у него на душе.

– Ты поспал хотя бы час? – спросил Сыромятин, когда Игорь объявился в стратегическом центре.

– Некогда было, – угрюмо ответил пилот и потер слипающиеся глаза.

– Грешил всю ночь? – пошловато подмигнув, поинтересовался генерал.

Игорь молча поправил узел наспех завязанного галстука.

– Причем по-крупному, – ответил вместо Спивакова невидимый Адмирал.

Над центром помещения зависло изображение безжизненного тела Энолы.

– Боевой сержант Ночь. Сто пятая разведывательная армия Баргона, заместитель командира десантной группы прыжкового корабля «Алия», – прокомментировал голограмму Викторов. – Если вместо разработки стратегии я буду следить за безопасностью беспечных членов Управления, мы проиграем новую кампанию за трое суток!

– Так это вы подослали охрану, которая ее добила? – возмущенно спросил Игорь.

– И ее, и второго андроида, боевого сержанта Рысь, – не стал отпираться Адмирал. – А чего ты хотел? Мне твоя голова нужна в качестве действующего предмета, а не символа! Распустились тут все без встрясок! Бдительность потеряли!

– Кто же знал, что баргонцы меня вычислят, да еще и попытаются убрать? – возразил пилот, размышляя на самом деле совсем о другом.

То, что противник рано или поздно его разоблачит, сомнению не подлежало. При достаточном желании можно было даже просчитать, когда это произойдет и при каких обстоятельствах. Компьютеры щелкали подобные задачки, как земляные орехи. Но Игорю было интересно вовсе не это. Вычислили, и бог с ними: можно будет спрятаться получше. Ему не давала покоя какая-то непостижимая связь всех происходящих событий. Они мелькали перед его усталым внутренним взором, словно в детском калейдоскопе или сумбурном пьяном сне. Баргонский флот среди незнакомых звезд, Яков, Миша, штабные офицеры, андроиды, Энола… Замыкал поток видений флагман Основного флота Галактики, поскольку всем, в том числе и Спивакову, было известно, что шанс встретить Викторова живьем может выпасть только в момент кризиса и только на этом крейсере. То есть образ Адмирала в его мыслях прочно подменялся образом грозного корабля… Игорь потер виски. Нет, сколько он ни пытался, никаких логических цепочек построить так и не сумел. Ему не хватало информации, а может быть, способностей, точно

он определить не мог. Наконец Игорь встряхнул головой и предложил:

– Давайте я вернусь на корабль. Там баргонские диверсанты будут бессильны, а информационные потоки есть везде, и, значит, я смогу участвовать в работе стратегического центра прямо с борта «Николая».

– Раз уж баргонская разведка тебя вычислила, укрыться ты не сможешь нигде, – жестко возразил Адмирал. – Даже сменив фамилию и внешность. Из подобной ситуации есть два выхода, по сути альтернативных: либо ты выходишь в отставку и тратишь всю пенсию на вечные скитания, либо не прячешься от баргонской разведки, а идешь в лобовую атаку…

– Это как? – удивленно спросил Игорь.

– Адмирал Хайд готовит прыжковый корабль для подтверждения достоверности источника господина Секретаря, и я могу назначить тебя на него пилотом, – предложил Викторов.

– Спрятаться от баргонцев в их же тылу? – Спиваков немного подумал и ответил: – Мне эта идея нравится. Она настолько сумасшедшая, что может сработать!

– Эй, юноша, полегче на поворотах, – ворчливо заметил Адмирал. – Я не думаю, что этот рейд окажется легкой прогулкой, но вот так, с ходу, ничего менее «сумасшедшего» предложить не могу, а времени на раздумья у нас не осталось. Поскольку где-то совсем рядом появилась «Алия», зна-

чит, Баргон начал использовать брешь в пограничье. Наши сканеры с минуты на минуту обнаружат вражеский рейдер, он наверняка ждет возвращения своих посланниц в пределах Солнечной системы, и мы попытаемся его перехватить. Но даже если это нам не удастся, «казус белли» налицо и мы можем начать наступление, опередив Баргон. Тем самым мы отнимем у него инициативу и воспользуемся мощнейшим фактором внезапности…

– Ну вот, а вы все время говорите, что от меня нет никакой пользы! – заметил Игорь.

– Адмирал Хайд, вручите пилоту Спивакову предписание, – не обращая внимания на его реплику, приказал Викторов и, немного помолчав, добавил: – Если честно, ты бы полетел на этом рейдере в любом случае. Слишком важное у него задание…

– Благодарю за доверие, – по-прежнему с долей иронии ответил Игорь и, попрощавшись с генералами, шагнул в специальный портал, который вел только на военные объекты.

Рейдер был электронным и назывался «Охотник». Когда Спиваков увидел тушу корабля на стартовой площадке, настроение у него сразу же улучшилось. Во-первых, капитаном этого «прыгуна» был Миша, один из наиболее толковых членов «Галактики», к тому же разлюбезный друг и боевой товарищ Игоря по первой Баргонской кампании. Тот самый, с которым они так и не допили все положенные коктейли. А во-вторых, летать Спиваков любил все-таки больше, чем

тайно руководить целым государством, хотя первое у него получалось значительно хуже…

4
«Алия». Погоня

– Теперь к этому пилоту у меня особый счет, – гневно заявила Скала и указала на голографический кадр из судебно-медицинского информационного потока.

В последнем отчете городского морга значились два неопознанных искусственных тела. У Ночи была сломана шея, но в ее остекленевших, еще не успевших помутнеть глазах застыло удивление, а не гнев или напряжение боя. Ее напарница Рысь была застрелена из лучевого оружия, причем скорее всего во сне. Убийцы, по-видимому, застали лазутчиц в постелях. Это косвенно подтверждалось отсутствием упоминаний об одежде в протоколах осмотра.

– Нам следует немедленно покинуть Солнечную систему и затаиться где-нибудь неподалеку, – задумчиво рассматривая голограммы, сказал Сон.

В его серых глазах не отражалось почти никаких эмоций. Девушек ему было безусловно жаль, но сейчас капитан сосредоточился на выработке программы дальнейших действий.

– Но земляне так и не установили происхождение наших диверсантов, – печально вздохнув, предположила Скала.

– Не будь такой наивной, – возразил капитан, – на контакт с объектом вышла только Ночь, а убили их обеих. Взгляни, в

отчете из морга отсутствует информация о месте изготовления андроидов. Это подтверждает, что земляне установили его с точностью до двадцать девятой цифры серийного номера. Я уверен, что прямо в эти минуты все пространство вокруг планеты охвачено единой поисковой сетью гиперсвязи и радиолокации. А мы как раз тот самый объект, ради обнаружения которого они и развивают все эти титанические усилия.

– «Алия» обнаружила поиск? – настороженно спросила Скала и обернулась к так называемому «лицу» корабля – консоли голосового управления и дублирующего тактильного пульта.

– Спроси сама, – посоветовал Сон и, словно пытаясь разрядить траурное настроение, усмехнулся. – Меня она почему-то игнорирует вот уже полчаса.

– Потому, что вы черствый и бездушный, словно механический погрузчик или робот-сварщик, – внезапно донеслось из занятого «лицом» угла. – Погибли такие славные девочки, а ваши мысли заняты каким-то логическим анализом!

– «Алия», ты слишком расчувствовалась, – спокойно и строго возразил Сон. – Я действую в интересах Баргона, экипажа, а также корабля, то есть в твоих. Мне некогда скорбеть о неизбежных потерях, пока не окончен бой. Вот когда мы вернемся на «Протон», а еще лучше на сам Баргон, я обязательно опишу их подвиг в рапорте. И прочту в память о десантницах самую лучшую оду… Но пока прошу тебя оста-

вить свои новомодные среди биомеханических существ причитания и вернуться в русло формальной логики, как положено боевому кораблю! Кстати, это даже не просьба, а приказ.

– Есть, капитан, – чуточку ворчливо согласилась «Алия» и уже сухим официальным тоном доложила: – Просветы в поисковых сетях противника настолько малы, что избежать контакта мне не удалось. Это произошло восемь минут назад, и теперь на нашем пути в гиперпространство выставлено заградительное поле, а в тыл заходит эскадрилья перехватчиков. Судя по позывным и спектру биополей, это не флотские, а команда войсковой разведки.

– Что значительно хуже, – озабоченно заметил появившийся на мостике Ястреб. – Их машины более совершенны, чем обычные, а киберпилоты лучше наших, зачастую они превосходят в своем мастерстве даже биомехов.

– Я обиделась, – мгновенно ответила «Алия», на что Ястреб только махнул рукой.

– Это научно доказанный факт, – согласился с ним Сон и строго добавил: – Поэтому, «Алия», тебе лучше отбросить сантименты и сосредоточиться на боевой задаче. Нам следует выскользнуть из ловушки в гиперпространство, а затем вернуться сюда же или чуть дальше – на орбиту Марса. Такой наглости от нас земляне вряд ли ожидают, поэтому мы имеем приличные шансы на успех. Вторую попытку устранить пилота организуем более масштабно. Высадимся на охоту всем

коллективом…

– Грандиозный план, – с усмешкой сказала Скала. – Только у меня есть подозрение, что этот Игорь Спиваков не станет дожидаться нашего демарша и спрячется где-нибудь в лабиринтах старых улочек Европы или под небоскребами Нью-Йорка, а в этом случае на поиски нам потребуется гораздо больше времени, чем мы потратили в первый раз.

– Что ты предлагаешь? – не обижаясь на ее иронию, спросил Сон.

– Мы не должны выходить из обычного пространства, пока не установим местонахождение объекта, – твердо заявила Скала. – Если он, например, решит укрыться на своем круизном судне, то выходить из прыжка нам следует не на орбите Марса, а в районе Ио, поскольку «Романов» приписан именно к этой базе. Если же пилот до сих пор на Земле, то нам надо проанализировать сопровождающий его перемещения информационный поток: движения кредитов, кадры камер уличных и офисных служб безопасности, голофонные переговоры, показания биомедицинских сканеров, мониторов «Скорой помощи», ну и главное – отчеты телепортов. Изучив этот поток, мы сможем проследить за Спиваковым до удобной для нападения точки, а если перехватчики вынудят нас уйти в гиперпространство, мы загрузим данные в моделирующий блок «Алии» и после выхода в обычное пространство все равно получим примерное место, где поднадзорный мог оказаться за время нашего отсутствия. Это схема

из начального курса тактики наземных операций, но я тебя вовсе не виню за то, что ты не знаешь подобных вещей, ведь ты капитан флота, а не разведчик…

– Спасибо, утешила, – Сон улыбнулся, обнял девушку за плечи. – Поступим по-вашему, боевой лейтенант, но учтите, что долго продержаться против целой эскадрильи не сможет даже такой опытный корабль, как наша «Алия». Так что ищите Спивакова быстро и без ошибок. Сколько дадим ей времени?

Последний вопрос капитан адресовал кораблю.

– Четырнадцать минут, – бесстрастно ответила «Алия» и подвесила над центром рубки голограммы входных «окон» основных информационных потоков Галактической Сети.

Скала уверенно выбрала необходимые и погрузилась в их изучение. Войдя в самую середину голографических проекций, она словно растворилась в геометрических и произвольных видеорядах «страниц», «разворотов», почтовых ящиков и «окон». Блоки текстовой и звуковой информации сменялись с невообразимой для человеческого восприятия быстротой, а объемные картинки мелькали, словно цветной водопад. Девушка уверенно перебирала нужные страницы и проекции. Сон представил себе, насколько быстро движутся сейчас ее глаза, выхватывая из самых разных точек нужные крупинки информации, и капитану на секунду стало плохо. Конечно, «Алия», например, могла бы выполнить поиск в тысячу раз быстрее, но, во-первых, у нее сейчас была гораздо

более важная задача – следить за приближающимся врагом и готовиться к отражению его нападения, а во-вторых, ее работа была бы просто решением проблемы при помощи быстродействующего сочетания электроники и органики, которым и являлся мозг биомеха. В этом случае пропадал азарт и элемент риска. Два краеугольных камня в фундаменте баргонской культуры и психологии.

– Спиваков исчез, – спустя восемь минут уверенно заявила Скала и провела рукой по лбу, словно стирая пот.

– Бесследно? – недоверчиво спросил Сон, внимательно глядя в ясные голубые глаза андроида.

– Словно никогда не существовал, – ответила девушка и одним взмахом руки расположила перед капитаном видеоряд изученных данных. – Ни в одном специальном файле нет никаких упоминаний о таком человеке. Граждан, космических судов или кораблей с подобными позывными не тоже существует.

– Забавно, – проронил Сон, рассматривая зависшие на уровне глаз картинки. – Быть может, нас заманили в ловушку?

– Вряд ли боевой майор Удар воспользовался непроверенными сведениями, – возразила Скала. – Скорее всего после нашей попытки вывести пилота из строя информацию о нем стерли или разбросали данные о его особых признаках по разным вымышленным дублерам. Например – кредиты он получает на имя Сидорова, а медицинскую страховку – на

Иванова. Можно попробовать пойти от обратного. Взять его приметы и найти всех этих людей, а потом вычислить, где пересекаются их виртуальные дорожки. Это и будет точкой нахождения Спивакова.

– Прекрасная мысль, но у нас не осталось времени на подобный поиск, – мягко возразил Сон и указал на мониторы.

Эскадрилья перехватчиков была уже рядом. Объемная боевая проекция показывала, как корабли противника расходятся в стороны и пытаются взять «Алию «в кольцо. Баргонский корабль внезапно задрал нос и выполнил «полупетлю». В результате маневра «Алия» развернулась на сто восемьдесят градусов и, прорвав вражеский строй, начала разгон для прыжка. Перехватчики повторили маневр биомеханической посудины не столь элегантно, однако вскоре их более совершенные двигатели позволили не только догнать, но и снова окружить «Алию», правда, на этот раз они открыли непрерывный огонь параллельно курсу, и баргонцы больше не имели возможности еще раз совершить свой головокружительный разворот. Сон скептически покачал головой и, обращаясь к «Алие», спросил:

– Как ты надеешься пройти сквозь заградительное поле?

– Я надеюсь усадить вас всех в кресла и затормозить, – спокойно ответил корабль.

– Лихо! – отреагировал Ястреб и, не дожидаясь дальнейших разъяснений, устроился в противоперегрузочном кресле.

Перехватчики наконец выбрали оптимальный режим полета и перебросили энергию с силовых установок на пушки. «Алия» бесстрастно зафиксировала несколько легких повреждений и включила аварийную перекачку биомассы в пространство между наружной и средней обшивками. Сон услышал, как негромко взвизгнули скоростные насосы и заработали заслонки трубопроводов системы ремонтной подачи целительного вещества. Перехватчики сомкнули кольцо плотнее и увеличили угол атаки. Теперь от лучевых ударов оставались не длинные серые шрамы, а широкие овальные дыры. «Алия» предусмотрительно заполнила промежуток между средней и внутренней обшивками специальным активированным биосоставом, и лучевая атака сразу же превратилась в принятие «солнечных» ванн. Попадая на новый состав, лучи только уплотняли его, делая идеально гладким и почти стопроцентно зеркальным, то есть отражающим и рассеивающим любое излучение. Электронные пилоты перехватчиков, однако, не удивились такой высокой живучести биомеханического корабля. Многие из них находились на той же ступени развития боевой техники и совершенно точно знали, что и в какой последовательности следует предпринять для уничтожения врага. Лучи атакующих перехватчиков вдруг перестали плавить обшивку «Алии», но не исчезли, а лишь снизили свою мощность. Теперь они превратились в целеуказатели для систем наведения ракет.

Сон зябко передернул плечами и молча кивнул Волку.

Механик принялся разворачивать над консолью управления кораблем дублирующий пульт пилотирования и пуска ракет. Ястреб, не вставая с кресла, положил руку на плавающие под его длинными пальцами клавиши ускорения и торможения. Капитан тоже улегся в кресло и сместил текущее изображение боевой ситуации так, чтобы оно повисло напротив глаз. Экипаж приготовился принять управление на себя в случае, если одна из ракет противника попадет в биомодуль.

– Пять секунд до торможения, – неожиданно объявила «Алия».

Застигнутый ее предупреждением врасплох, Волк перестал настраивать дублирующий пульт и снова рухнул в свое кресло. Находившаяся в соответствии с корабельным расписанием здесь же, на мостике, Скала заняла положенное место еще до того, как «Алия» предупредила о возможности тормозных перегрузок. Ей в космическом бою отводилась роль наблюдателя, а таковые, если только не предполагался абордаж, всегда сидели пристегнутыми к креслам.

Сон увидел, как из пусковых установок перехватчиков стартовали и стремительно понеслись наперерез «Алие» ракеты. Когда до изъеденных лучами и пенящихся от затягивающей пробоины биомассы бортов баргонского корабля ракетам оставались считанные километры, биомех резко уменьшил тягу разгонных двигателей. Сразу же после этого он включил замаскированные в носовой части не менее мощные двигатели экстренного торможения. Капитан почувство-

вал, что на его плечи наваливается страшная тяжесть. Разгонные перегрузки были плавными и направленными в совершенно противоположную сторону, а потому гораздо более привычными. Запомнив, для пополнения жизненного багажа, новые ощущения, Сон принялся ждать, когда наступит облегчение, но «Алия» не спешила. Прошло не меньше минуты, и капитан уже начал беспокоиться, не получила ли повреждение от такой нагрузки сама «Алия». Ведь мозг корабля был всего лишь сгустком нервных клеток, а значит, реагировал на торможение почти так же, как люди или андроиды. Но биомеханизм «очнулся», и пытка прекратилась.

Быстро прояснившимся взором Сон окинул карту боевых действий и мысленно похлопал в ладоши. Половина перехватчиков вонзилась в развернутое прямо по курсу блокирующее поле и эффектно взорвалась, попав в свою же ловушку. Это ненадолго открыло для «Алии» довольно широкий проход в гиперпространство, и корабль уже начинал повторный разгон, пытаясь успеть до тех пор, когда поле восстановится и снова перекроет выход из мышеловки. Не пропала даром и парочка из тех ракет, что во множестве были выпущены по биомеху землянами. Не найдя на пути «Алию», смертоносные снаряды продолжили полет и вывели из боя один из собственных перехватчиков, замыкавших кольцо. Баргонского капитана ход боя устраивал, и Сон в очередной раз порадовался, что когда-то доверил Волку и Тени превратить свой рядовой прыжковый корабль в лидера эксперименталь-

ной бионики. С тех пор живыми мозгами, нервными волокнами и регенерирующими обшивками обзавелось более половины флота, но у тех, кто был в первых рядах, сохранялось и приумножалось главное преимущество – опыт. И самым опытным из биомеханических кораблей была, несомненно, «Алия». Правда, она была еще и самой ворчливой, взбалмошной и сентиментальной, но об этом знал только экипаж, который прощал ей все на свете после каждого удачного боевого вылета. В схватке «Алия» становилась только непревзойденным бойцом и ничем более. Сон не знал, кто додумался соединить электронные мозги с искусственными, но живыми, однако, как военный, был готов отдать такому умнику салют тысячу раз подряд. Работая чуть медленнее электроники, биомехи не уступали прежним бортовым компьютерам ни в объеме памяти, ни в логике. Но к тому же они могли мыслить отвлеченно и нестандартно, а это ставило их гораздо выше чисто электронных конкурентов. Ведь благодаря абстрактному мышлению своеобразные космолеты-киборги могли принимать ответственные решения. Не просто рассчитывать оптимальный маневр или прием, а сразу же воплощать его в жизнь. Особенно важно это было в бою, и тут уж никакие роботы или думающие машины не могли противопоставить им ровным счетом ничего. Как, впрочем, и большая часть андроидов, которые тоже были довольно совершенными существами. Хотя, если говорить о совершенстве ума, а не тела, в некоторых случаях решения медлитель-

ных людей оказывались на удивление верными, а сами «случаи» чаще всего являлись критическими или переломными моментами истории. По этой причине все представители новых ветвей разумной жизни сходились в главном: неизвестно, был ли на свете бог, но человек – его творение, пока никем (а в первую очередь – самими людьми) не превзойденное…

– Так их, родная! – восторженно крикнул Волк и приподнялся с кресла. – Сколько осталось целей, капитан?

– Семь, – ответил Сон, внимательно рассматривая картинку.

– Восемь, – поправила «Алия». – Один прыжковый корабль и семь перехватчиков.

– Прыжковый? – удивленно спросил капитан. – Я ничего не вижу.

– Он далеко позади нас и не принимает участия в бою, но развитое им ускорение говорит о том, что он тоже собирается уйти в гиперпространство. Причем в той же точке, что и мы.

– Очень интересно, – Сон потер высокий лоб и пригладил зачесанные назад и собранные на затылке в «хвост» светлые волосы. – Это баргонец?

– Нет, корабль принадлежит Галактике и является не биомеханическим, а электронно-управляемым. Я думаю, что это один из кораблей-разведчиков класса «Охотник», – ответила «Алия».

– Почему же он идет следом за нами? Прыгнуть он мог и в более безопасном месте, – с сомнением проронил капитан. – Дай его картинку…

Над боевой картой зависло изображение преследующего баргонцев «Охотника». Сон развернул проекцию боком и кивнул.

– Разведчик, без сомнения, только я все равно ничего не понимаю. А если мы сейчас остановимся или нас подобьют? Он же сгорит в заградительных полях! – Капитан посмотрел на Скалу, которая подошла к его креслу и принялась внимательно изучать изображение. – Что скажешь?

– Маневр дерзкий, но вполне логичный, – ответила девушка и указала на два дополнительных разгонных двигателя «Охотника». – Последовательность действий проста. Перехватчики устраивают большой шум, а мы пробиваем брешь в поле. Потом мы вырываемся из окружения, а перед тем, как поле восстанавливается, за нами ныряет этот разведчик. Со стороны все будет выглядеть как неудачная попытка перехватить «Алию». Причем и для наблюдателей, и для нас. Если бы мы не заметили этого восьмого сейчас, то в нулевом измерении не смогли бы обнаружить его и подавно. Таким образом, воспользовавшись неразберихой боя, в пространство Баргона проникнет разведчик землян, а наша агентура в Солнечной системе об этом ничего не узнает. Для перехода линии фронта лучшего прикрытия, чем достоверная боевая ситуация, просто не существует.

– Спасибо, – в очередной раз удивляясь спокойствию и рассудительности Скалы, сказал капитан и обернулся к Ястребу. – Как считаешь, мы сможем сбросить их с «хвоста»?

– А почему об этом ты спрашиваешь меня? – удивился офицер. – Это вопрос к «Алие».

– А кто здесь главный специалист по минным и заградительным полям? – снова спросил Сон.

– У нас по-прежнему дефицит времени, – вмешалась «Алия». – Ставить поля слишком долго, а мины на такой скорости могут сдетонировать, едва отлетев от борта. Мы должны пройти через пробитую перехватчиками брешь за мгновение до ее закрытия. Тогда «Охотник» останется в обычном пространстве до тех пор, пока командиры эсминцев не отключат поле. А произойдет это очень не скоро. Я не вижу поблизости ни одного тяжелого корабля…

– Придется рискнуть, – решил Сон. – Притащить с собой вражеского разведчика мы не имеем права.

– Согласна, – ответила «Алия». – Начинаю расчет времени. Приготовьтесь к ускорению.

Экипаж вновь занял свои места в креслах, но на этот раз спинки были подняты под углом в шестьдесят градусов, а все дублирующие консоли погасли. Сон расправил широкие плечи и оперся затылком о высокий подголовник. Когда «Алия» была всего в двадцати секундах полета от оптимальной точки прыжка, капитан вдруг с усилием приподнял голову и приказал:

– Прыгай!

– Если я прыгну прямо сейчас, у «Охотника» будет запас времени и он пройдет следом за нами, – возразила «Алия». – Мы же это обсудили, капитан?

– Делай, что я сказал! – рявкнул Сон, и биомех подчинился.

Когда перегрузки исчезли и на смену им пришла характерная для гиперпространства звенящая тишина, капитан резко поднялся с кресла и обернулся к Скале.

– У тебя есть время, чтобы вычислить место возможного пребывания Спивакова.

Тон капитана был необычно деловым и не терпящим возражений. Скала сначала удивленно подняла тонкие брови, но потом пожала плечами и обратилась к «Алие»:

– Восстанови видеоряд характерных признаков пилота, который мы получили от Удара, и проведи по ним поиск в той части информационного потока, которая осталась в твоей оперативной памяти после моих исследований, перед самой атакой перехватчиков.

– Три минуты, – бесстрастно ответила «Алия» и погрузилась в анализ.

– Что тебя осенило? – недоуменно спросил у капитана Ястреб. – Зачем мы тащим на своем горбу врага?

– Сейчас узнаем, – пообещал Сон.

Прошло ровно три минуты, и перед изумленным экипажем повисла объемная картинка разведывательного корабля

класса «Охотник».

– Вероятнее всего, объект находится на преследующем нас корабле, – прокомментировала изображение «Алия» и умолкла.

– Черт возьми, капитан! – воскликнул Волк. – Как ты догадался?!

– Сам не знаю, – признался Сон. – Что-то щелкнуло в мозгу, и все…

– Вот этим вы и отличаетесь от нас, киберов или биомехов, – улыбаясь, произнесла Скала. – Способностью пользоваться подсознанием…

– Ты зря его хвалишь, – ворчливо заметила «Алия», – еще неизвестно, где выйдет этот «продукт подсознания» из гиперпространства и что из этого получится. Пушки разведчика могут оказаться гораздо мощнее, чем у перехватчиков, и тогда гениальное предвидение капитана грозит обернуться нашей общей бездарной гибелью…

– Чтоб ты была здорова! – смеясь, пожелал Сон и добавил: – Объявляю полную боевую готовность экипажа и абордажной группы. Начинаем охоту за «Охотником». Судя по всему, сегодня нам повезет…

5. Земля. Штаб «Галактики». Повод к войне

– Сегодняшнее совещание, как всегда, проведет командующий Разведывательными силами генерал Сыромятин, – торжественно объявил невидимый Викторов.

– Спасибо, господин Адмирал, – непроизвольно взглянув куда-то вверх, поблагодарил Сыромятин и занял кресло во главе стола. – Итак, господа, сегодня нам следует обсудить только один вопрос. Об утверждении плана боевых действий против Империи Баргона. Есть ли у кого-нибудь замечания по порядку ведения заседания и принятия решения?

– Позвольте напомнить, генерал, что в отсутствие Начальника Управления решение принимается только при полном согласии всех участников заседания, – весьма официальным тоном добавил Викторов. – Если хотя бы один полноправный член Управления выскажется против, нам придется разрабатывать новый проект. В связи с этим я прошу вас предлагать максимально приемлемые варианты и не отстаивать свои узкоспециальные интересы.

– В таком случае, самым верным будет начать с вас, господин Адмирал, – заявил генерал Ли. – Вы же наверняка имеете наброски стратегического плана? А по опыту предыдущей войны мы все прекрасно знаем, что именно ваши замыслы имеют наибольший шанс реализоваться.

– Я не хочу навязывать свое мнение, поскольку ситуация сложилась довольно щекотливая, – возразил Викторов.

– Вы сомневаетесь, что рейд вражеского разведчика и концентрация баргонских флотов в неизвестной точке пространства являются достаточным основанием для проведения нами войсковой операции? – осторожно поинтересовался адмирал Хайд.

– Вы же сами знаете, что это так, – ответил Викторов. – Однако, если мы не нанесем упреждающий удар, нас разобьют на наших же базах, и тогда один из мифов древности – Пёрл-Харбор повторится в галактическом масштабе. Все, что Баргон может противопоставить Галактике, – это мощный прыжковый флот. Без него враг бессилен и способен лишь оборонять свою столицу. Инцидент с кораблем «Алия», который ушел от перехватчиков так же легко, как проник в самое сердце Галактики, серьезнейшим образом подтверждает тезис о том, что баргонцы сделали ставку на свои прыжковые корабли отнюдь не случайно. В имперском флоте практически все «прыгуны», в отличие от наших, являются биомеханическими и хорошо вооруженными. При соотношении тяжелых и прыжковых кораблей в десять баргонских «прыгунов»-биомехов к одному нашему крейсеру я, честно говоря, вовсе не уверен в военном преимуществе Галактики. В предстоящей войне не будет ни линии фронта, ни стабильных эшелонированных тылов. В таких условиях эффективность тяжелого флота отчетливо стремится к ну-

лю. Каким образом, по-вашему, адмирал Хайд, мы можем исправить ситуацию?

– Уничтожив биомеханические корабли баргонцев на плацдарме, не дав им стартовать в направлении Млечного Пути, – ответил Хайд.

– Вот видите, стоило нам немного порассуждать, как необходимость упреждающего удара стала очевидной, – продолжил Викторов. – И набег «Алии» превратился из повода в причину.

– Но, господа, Галактика не имеет права развязывать войну! – возмущенно возразил Секретарь.

Присутствующие на совещании военные, а их было подавляющее большинство, словно по команде обернулись к Секретарю. Под суровыми взглядами офицеров он немного сник и уже не так уверенно закончил: – Хотя бы согласно Конституции…

– Из любой политически неустойчивой ситуации есть простой и достаточно приемлемый выход, – ответил ему Хайд и задумчиво поиграл цилиндриком лазерной указки.

– Что вы хотите сказать? – недовольно спросил Секретарь.

– Мы можем и не объявлять Баргону войну, – ответил Хайд. – Мы просто проведем операцию против неизвестного противника в неизвестной точке пространства. Если это не вызовет у Баргона известных эмоций, то получится, что он отрекся от своей ударной группы. Для Империи это будет означать провал кампании до ее начала. Если наша атака за-

ставит Императора выступить с протестом, то этим он признает, что в концентрации флотов на нашей границе присутствует злой умысел, и мы продолжим военные действия.

– Во-первых, у нас по-прежнему нет доказательств того, что место концентрации сил противника расположено у наших границ, – возразил Секретарь, – а во-вторых, напав на флот в той далекой от Баргона точке, мы потеряем преимущество внезапности и утратим инициативу. Кто знает, может быть, баргонцы рассчитывают именно на это?

– В этом господин Секретарь прав, – согласился Сыромятин. – Пока разведчики не уточнят данные о месте дислокации баргонских флотов, мы не можем ударить никуда, кроме Баргона. Но если мы попытаемся игнорировать спрятанные в загадочной точке баргонские корабли, то, как только начнется операция против их столицы, получим удар в спину.

– Вывод очевиден – наступать следует сразу в двух направлениях, – заключил Хайд.

– Вот мы и вернулись к проблеме номер один, – вмешался в спор Ли. – У нас нет главного – координат тайного плацдарма баргонцев.

– Это не совсем верно, – вдруг поднявшись из-за стола, ответил Хайд и взмахнул рукой, подвешивая в метре от пола уже знакомую всем по предыдущему совещанию картинку. – Я позволил себе привлечь к изучению этого вопроса сотрудников Астрономического Университета Симарина, и они провели довольно тщательное исследование. Изображе-

ние, как мы и подозревали, оказалось сфабрикованным, однако тот, кто его создавал, не мог не учитывать, что мы подвергнем картинку тщательному анализу. Поэтому за основу он взял реальные созвездия Млечного Пути. Мои помощники смоделировали процесс развития изображенных звездных скоплений и пришли к выводу, что это действительно «омоложенные» при помощи компьютера участки нашей Галактики. Тот, кто передал нашей разведке эти данные, хотел не столько запутать нас, сколько подтолкнуть к анализу. Разведчик опасался перехвата сообщения и потому, пытаясь подсказать нам, откуда исходит реальная угроза, составил звездный ребус.

– А нельзя ли попроще, адмирал, – сморщившись, попросил Сыромятин.

– Извольте, – Хайд заменил звездный фон оригинала тем, который смоделировали ученые, а затем развернул проекцию так, чтобы зрители могли увидеть точку, откуда эпизод был заснят неизвестным помощником Секретаря. – Так Млечный Путь выглядит только из пространства наших союзников…

Над столом повисла пугающая тишина. Все участники совещания смотрели на Хайда как на материализовавшегося монстра из компьютерного фильма.

– Плацдарм размещен в пространстве «крабов»? – переспросил Сыромятин.

– Так точно, – уверенно ответил Хайд и снова указал на

картинку. – Вот их созвездие Столицы, а чуть левее – видите? – промышленные районы Пояса Белых Комет.

– Это возмутительно! – сверкая глазами, воскликнул Секретарь. – Передавая мне эти данные, мой разведчик намекал на то, что мне наверняка не понравится содержание послания, когда я его тщательно изучу, но я думал, он имеет в виду сам факт скопления вражеских кораблей в одной точке…

– Мы можем определить координаты плацдарма на основе вашей модели? – не обращая внимания на слова Секретаря, спросил Викторов у адмирала Хайда.

– Вполне. Однако прошу учесть, что перед вами только модель и я не гарантирую высокой точности, – ответил тот.

– Нам следует провести дополнительную разведку, – предложил Сыромятин. – Схема, по которой сейчас действует Спиваков, слишком сложна, и потому результатов его поиска мы можем ждать целый месяц. В резервной флотилии Разведывательных сил есть несколько трофейных прыжковых кораблей Баргона. Мы можем снарядить их для проверки модели адмирала Хайда.

– Я согласен, – Хайд кивнул.

– Разумно, – поддержал идею генерал Ли.

– А господин Секретарь? – спросил Викторов погрузившегося в размышления посла.

– Да, да, Адмирал! – Секретарь, словно спросонья, заморгал и нервно потер руки. – Я согласен…

– Что ж, решение принимается при полном согласии, –

констатировал Викторов и распорядился: – Приказываю отправить в разведывательный рейд парочку «прыгунов», а тем временем подготовить все прыжковые корабли Ударного флота и Разведывательных сил к походу в пространство «крабов». Боевая задача – уничтожить плацдарм баргонцев и блокировать разгонные пути Крабовидной туманности, установив на них блокпосты и силовые поля. Предавшие нас «союзники» не должны иметь возможности прийти на помощь Баргону, когда мы начнем основной этап операции. Генерал Сыромятин, я надеюсь на ваш опыт. Остальная часть Ударного флота, под командованием адмирала Хайда, должна сосредоточиться у порталов и, как только от прыжковой группы придет рапорт о завершении первого этапа, стартовать к Баргону. Десантная армия генерала Ли пойдет следом за Ударным флотом и, молниеносно высадившись на Баргон, возьмет столицу Империи под свой контроль. Затем, на смену Ударному, в пространство Баргона войдет Основной флот, командовать которым буду лично я. После этого адмирал Хайд уведет свои корабли в пограничье Союза Семи Систем и усилит группировку наших «прыгунов» для отражения возможной атаки предавших нас союзников. Солнечную систему будут охранять флоты Резервный и Специальный…

– В Резервном всего десяток биомехов, – заметил Хайд. – Против прыжковых кораблей Баргона электронные крейсеры слабая защита.

– Ничего, – возразил Адмирал, – после нашей атаки баргонцы вряд ли соберут достаточно боеспособных «прыгунов», чтобы атаковать Землю. К тому же у нас в резерве Специальный флот, полностью биомеханический. Мы сформируем из кораблей обоих флотов патрульные группы. Например, десяток электронных и парочка биомеханических кораблей в каждой. Для противодействия диверсантам-одиночкам этого будет вполне достаточно.

– Тогда остается дождаться результатов разведки, – соглашаясь с планом Адмирала, сказал Хайд и взглянул на Сыромятина.

– Они будут не позже чем через три часа, – заверил генерал и поднялся из-за стола, показывая тем самым, что совещание окончено.

6
Бой

– Все наши усилия пропали даром, – констатировал Миша, указывая на обзорный экран, – «Алия» нас обнаружила.

– Почему ты так решил? – спросил Игорь, рассматривая болтающийся в воздухе голографический макет вражеского биомеха.

– Разве ты не заметил, как эта хитроумная посудина держала нас в обычном пространстве, рассчитывая время для прыжка? Все говорит за то, что «Алия» намеренно рисковала, дожидаясь, пока заградительное поле не восстановится почти полностью, и прыгнула только в самый последний момент. Она хотела отрезать нас от гиперпространства.

– Почему же не отрезала? – Пилот смоделировал изображение «Охотника» и подвесил его позади макета «Алии».

– Потому, мой юный друг, что живые мозги все-таки не настолько бесстрастны, как электронные, и не могут до конца освободиться от примитивных инстинктов, – продекламировал Миша и, обращаясь к бортовому компьютеру, спросил: – Так, «Охотник»?

– Совершенно верно, – приятным баритоном отозвался корабль. – «Алия» прыгнула ровно на тринадцать секунд раньше необходимого.

– Я думаю, что вы оба просто недооцениваете противни-

ка, – возразил Игорь. – Биомехи так же точны, как электронные системы, а насчет примитивных инстинктов, Миша, ты пытаешься выдать желаемое за действительное. Самосохранение является преобладающим мотивом только для поступков человека. Искусственные создания не руководствуются такими понятиями.

– Почему же, в таком случае, сбежал напавший на тебя в гостинице андроид? – возвращая Спивакова к неприятным для него воспоминаниям, спросил Михаил. – Если бы ее искусственный организм не имел обсуждаемого нами инстинкта, то тебе не удалось бы так просто отделаться от этой красотки.

– Не знаю, не знаю, – с сомнением ответил Игорь. – Может быть, в сознании девушки происходила какая-то борьба мотивов? Например, приказ начальства вошел в противоречие с возникшей ко мне симпатией? Я только сейчас начинаю понимать, что бегство боевого андроида с поля боя из-за того, что он получил пустяковую рану, выглядит просто нелепо. Если бы я успел догнать ее раньше громил Адмирала, то еще неизвестно, чем бы закончилось наше знакомство.

– Ты хочешь сказать, что поразил сердце красавицы неподдельной нежностью и она влюбилась в тебя настолько, что не смогла добить? – удивленно спросил Миша и рассмеялся. – По-моему, ты идеализируешь этих кукол. Любой искусственный человек имеет жесткую программу, и никакой жизненный опыт, а тем более спонтанные эмоции не могут

сбить его с единственно возможного для данной модели пути. Этот путь выбран еще в инкубаторе…

– Но они не выбирают его сами. Это делается за них биоинженерами. К тому же, чем больше я общаюсь с «этими куклами», как ты их называешь, тем меньше верю в их слепое послушание, – снова возразил Спиваков. – Даже наоборот, я убеждаюсь, что андроиды стремительно приближаются к своим создателям, особенно в плане независимости мышления. Скоро они нас догонят, вспомнишь еще мои слова, и тогда мы можем оказаться на свалке истории вместе с электронными кораблями.

– Вряд ли это произойдет, – ответил Миша. – Андроиды когда-нибудь обязательно допустят хотя бы одну серьезную ошибку, и тогда нам придется программировать их заново, возможно, с учетом того, что ты сказал, но именно нам, а не кому-то еще. Поскольку как ни крути, а их создателями являемся все-таки мы.

– Я бы добавил, что то же самое предстоит сделать и с биомеханическими кораблями, – вежливо понизив голос, проронил «Охотник».

– В вас говорит ревность, – Игорь махнул рукой в сторону бортового компьютера, – и боязнь неизбежных перемен. Это самая древняя форма мании преследования…

– Называй наши справедливые опасения как тебе угодно, – ответил Михаил, – только не сбрасывай их со счетов. Если это сделаешь ты, то никто не сможет убедить Викторова

в обратном, а значит, перед Галактикой встанет призрак реальной опасности. Вы с Адмиралом слишком беспечно относитесь к проблеме растущей самостоятельности искусственных людей и биомехов.

– Пока что это не проблема, – небрежно отмахнулся пилот.

– Вот видишь, – обращаясь к «Охотнику», сказал Миша. – Этот чурбан упорно не желает меня слушать.

– Я тебя слушаю, – возразил Игорь.

– Тогда не желаешь услышать, – продолжал гнуть свое Михаил. – Я никогда тебе не говорил, но в военном флоте недовольство темпами переоборудования электронных кораблей в биомехи растет прямо пропорционально количеству новоиспеченных мыслящих машин. Ни капитаны, ни экипажи не доверяют разумным корытам. Слишком уж зависимыми становятся люди от какой-то биомассы. Поверь мне, сидеть словно библейский пророк в чреве такого левиафана – удовольствие ниже среднего. Эти сверхсовременные создания бесспорно прекрасные бойцы, и даже самые совершенные киберпилоты зачастую уступают им в бою почти по всем показателям, но верить в непогрешимость бионики нас не заставит даже Адмирал. Какие бы аргументы он ни приводил.

– Эффективность биомехов наглядно демонстрирует баргонский флот, – возразил Спиваков. – Их «прыгуны» серьезнейшая ударная сила. Ничего подобного до сих пор не

видела Галактика. И я что-то не припомню, чтобы биомехи когда-нибудь помешали экипажам выполнить поставленные задачи. Викторов спешит перевести как можно больше кораблей флота на биологическое управление потому, что, пользуясь устаревшими тактическими компьютерами и киберпилотами, мы теряем стратегическую инициативу.

– Хочешь честно? – Миша заметно разволновался и, медленно подбирая слова, продолжил: – Среди определенной части офицерского состава возникло подозрение, что Адмирал в какой-то момент упустил из внимания неведомую, но важную деталь, и в его рассуждения вкралась ошибка, отвечающая неким корпоративным интересам.

– Туманно, – с иронией оценил Игорь попытку капитана, – но я тебя понял. Ты намекаешь, что Адмиралом манипулируют производители бионики для наших кораблей?

– Что-то вроде этого, – признал Миша. – Слишком уж рьяно Адмирал взялся за реорганизацию армии. Насколько я помню, во время войны была популярна мысль о переходе всех Десантных сил на комплектование одними андроидами, но тогда Викторов выступил против, поскольку опасался столкнуться с потерей контроля над такими войсками. Ведь боевые андроиды гораздо более быстрые и сильные бойцы, чем люди. Почему же эти опасения не тревожат его сейчас? Кто может угадать, какие мысли посетят полностью переоборудованный флот, когда он, не дай бог, осознает себя непобедимой армадой?

– Биомехи не способны мыслить такими категориями. При их создании подобная возможность исключается целиком и полностью. Их коллективное сознание ограничено способностью к слаженным действиям в составе воинских подразделений. Такие варианты, как образование на основе боевых групп какого-то общества, социума, им не привидятся даже в страшном сне. Нет, Мишаня, «левиафаны», как ты выразился, никогда не придут к мысли вышвырнуть в космос свои экипажи и сбиться в кочующие между звезд стада.

– А если им подскажут, что такое возможно и даже приятно? – задумчиво спросил капитан.

– Кто? – удивленно спросил Игорь.

– Например, кто-то из их же числа, но немного подпорченный или «усовершенствованный» какими-нибудь диверсантами? Одним словом, не совсем нормальный.

– Ты этим и занимаешься в свободное время? – насмешливо поинтересовался Спиваков. – Просчитываешь варианты безумных действий взбесившегося биомеха?

– Нет, но все-таки? – не унимался Миша. – Скажи мне, почему «крабы» не имеют в составе флота ни одного биомеха?

– Это их личное дело, – отмахнулся пилот. – Поэтому, кстати, они и не победили ни на одной войне.

– Это не ответ, – Миша покачал головой. – Я убежден, что ты и сам задавал себе все эти вопросы, но тебя, так же как других, останавливало мнение всезнающего Викторова.

Признайся честно.

– Прошу прощения, – вмешался в их спор «Охотник», – до выхода из прыжка тридцать секунд.

– Боевая готовность! – приказал Миша и уселся в свое кресло.

Игорь занял положенное ему место пилота и вывел перед собой дублирующую панель. Вряд ли он смог бы сражаться против «Алии» в случае отказа киберпилота «Охотника», но так ему было спокойнее.

«Самообман, конечно, – мелькнула в его голове короткая мысль, – но мы люди, а не биомехи, и имеем право на маленькие слабости…»

Первый удар «Алия» нанесла совершенно неожиданно, хотя земляне и предполагали, что времени на раскачку у них не будет. Просто, чисто по-человечески, они надеялись на маленькое чудо, а потому, когда надежды развеялись и «Охотник» вздрогнул от взрыва мощной ракеты, Миша сжал зубы, а Игорь непристойно выругался. Их корабль быстро развернулся к биомеху носом и пошел в атаку. «Алия» тоже рванулась навстречу противнику и выпустила еще две ракеты. Разведчик мгновенно включил силовой щит, и ракеты взорвались на половине пути. «Алия», воспользовавшись тем, что на постановку силового поля у земного «прыгуна» ушла вся энергия двигателей, совершила маневр обхода и в одно мгновение оказалась по левому борту. Миша приказал «Охотнику» развернуть орудийные башни в сторону против-

ника, но не стрелять, а снять защитное поле и увеличить тягу. Повреждение первой ракетой одного из двигателей снизило подвижность электронного прыгуна почти на треть, однако мощности вполне хватило для стремительного маневра и последующего разворота на сто семьдесят градусов. Земляне заходили баргонцам в хвост, и «Алия» не могла противопоставить этому приему практически ничего. Биомех выставил силовой щит и попытался развернуться, однако преследователи снова изменили курс и обошли его щит по пологой дуге. Вражеский корабль снял защиту и попытался достать «Охотника» из лучевых орудий. Миша в ответ навел ракеты на его орудийные порты и запустил в пространство половину боезапаса. «Алия» попыталась остановить ракеты при помощи разгонных двигателей, но не менее трех управляемых снарядов прошли сквозь эту импровизированную защиту и взорвались где-то в районе силового модуля. Теоретически такое попадание могло обездвижить биомеха полностью, однако «Алия» по-прежнему шла полным ходом и даже пыталась маневрировать. Вдохновленный близостью успеха «Охотник» рванулся вперед и, подобравшись на расстояние максимальной эффективности лучевого удара, выстрелил из носовых орудий, пробивая сразу две обшивки биомеха. Баргонский корабль на секунду словно бы задумался, но потом вдруг сорвался с места и с опасным для здоровья экипажа ускорением ушел вперед. Землян такой маневр «Алии» несколько обескуражил. Выглядел он так, слов-

но баргонцы решили спасти корабль ценой своих жизней, хотя прекрасно сознавали, что в случае поражения им был гарантирован всего лишь плен, а никак не уничтожение. В любой, даже самой ожесточенной схватке, катапультировавшийся с гибнущего корабля экипаж в обязательном порядке подбирался победителями, и условия содержания пленных не были такими уж невыносимыми ни на Земле, ни на Баргоне. Игорь растерянно взглянул на Мишу и по его глазам понял, что капитан размышляет о том же.

– Я думаю, «Алия» рванула в гиперпространство по собственной инициативе, – отвечая на незаданный вопрос пилота, сказал Миша, выразительно приподняв одну бровь.

– Мне надо срочно связаться с Адмиралом, – пробормотал Игорь и вызвал голограмму входа в информационный поток.

– Бой еще не окончен, – заметил Миша. – К тому же мы во вражеском пространстве. Ты ставишь на грань срыва выполнение нашей миссии…

– Да, – Спиваков дал отбой, и вход исчез, – пожалуй, ты прав. Радиомолчание сейчас важнее…

Едва капитан собрался запросить у «Охотника» о повреждениях, как корабль сотряс новый мощный взрыв. На этот раз тяжелая ракета попала с дьявольской точностью, лишив землян главной силовой установки. Корабль еще пару раз вздрогнул в тяжелых конвульсиях, и его приборы начали стремительно «таять». Не прошло и десяти секунд, как во-

круг экипажа воцарилась полная темнота. Кресла под космонавтами проворно зашевелились, трансформируясь в аварийные скафандры с легкими пневматическими двигателями. Еще через десять секунд земляне оказались одетыми в спасительные костюмы и перешли на радиосвязь.

– Откуда они взялись? – спросил Игорь, пытаясь рассмотреть через узкое окошко обзорного иллюминатора вражеский корабль.

– Ловкий биомех, – не отвечая на его вопрос, оценил вражеский маневр Миша. – Атака на выходе из нулевого измерения очень опасный фокус. Он выстрелил сразу после того, как в обычное пространство вышла носовая ракетная установка. Долей секунды раньше – и его самого тряхнуло бы до полного молекулярного распада. А секундой позже – «Охотник» успел бы его идентифицировать и поставить защитное поле.

– А ты говорил, что биомехи медленно соображают, – упрекнул друга Игорь.

– Разве я такое говорил? – удивился Миша. – Хотя не помню, возможно… Но, согласись, наглости им не занимать.

– Это не наглость, а смелость и точный расчет, – возразил пилот. – Как ты думаешь, они ушли?

– Я думаю, что нас будут добивать, – ответил капитан.

– Это не по правилам, – убежденно возразил Спиваков.

– Не забудь, что мы дальняя разведка, то есть те же диверсанты, а следовательно, на нас не распространяются правила

ведения боевых действий, – напомнил Миша.

Правота капитана стала очевидной почти сразу. Мертвый «Охотник» снова вздрогнул, и Спиваков боковым зрением увидел, как чуть позади кресел вспыхивает голубое пламя горящего кислорода. Вспышка была яркой, но непродолжительной, потому что воздух довольно быстро покинул пределы корабля и сквозь зияющую в корпусе дыру проглянули далекие звезды чужой туманности. Кресла-скафандры отреагировали на разгерметизацию соответственно заложенной в них программе. Они резко провалились в открывшиеся в палубе тоннели и, скользнув по направляющим, выбросили бренные тела экипажа из «Охотника».

Игорь почувствовал, как по коже бегут неприятные мурашки. Почему-то при выходе в космическое пространство ему всегда становилось холодно. Внутри скафандра это казалось нелепой психологической реакцией, но избавиться от неприятных ощущений он так и не смог, хотя выходил в открытый космос сотни раз. Автоматика скафандра выбрала ближайший материальный ориентир и выровняла относительно его положение людей в пространстве, остановив беспорядочное кувыркание. Игорь завис бок о бок с Мишей, наблюдая, как удаляются исковерканные останки электронного корабля и приближается «Алия». Огромная, покрытая живыми, бурыми в свете сигнальных огней наростами биомассы. Баргонцы землян безусловно видели, однако поднимать на борт не спешили…

7. «Галактика» – Марс. Откровения резервистов

Генерал Сыромятин не спеша прошелся по мягкому, ручной работы, ковру и остановился перед окном своего кабинета. Ему чертовски хотелось прилечь хотя бы на час. За последние сутки он не спал ни секунды, и потому все мысли в его голове путались или монотонно повторялись никчемными рефренами, так и не соединяясь в реальную картину. В поспешности и сумбурности разворачивающихся событий все было пропитано то ли фальшью, то ли дилетантизмом прямо-таки насквозь. Никогда раньше генерал не смел ставить под сомнение решения Адмирала или Управления, но тогда эти решения были выверенными и разумными. Теперь же все катилось кувырком, и Сыромятин не мог понять почему. Впервые ростки недоверия к новой идее Викторова проклюнулись в его душе, когда Адмирал легко и непринужденно отослал в рейд Спивакова. Игорь был гораздо нужнее здесь, в штабе, чем в полной изоляции дальней разведки, но Викторов сослался на исключительную важность миссии и поступил по-своему. Теперь вдруг выяснилось, что проверить данные Секретаря было несложно при помощи двух шпионов-»прыгунов», замаскированных под баргонских биомехов. Конечно, Адмирал, отправляя Игоря, не знал, что Хайд преподнесет сюрприз в виде расшиф-

ровки тайного смысла сообщения, однако раньше подобные ходы Викторов просчитывал более тщательно. Что же случилось сейчас? От действий Адмирала веяло холодком какой-то странной и циничной игры.

Любуясь закатом, пылающим над далекими – возвышающимися у самого горизонта – небоскребами, генерал немного покачался на каблуках и, продолжая оставаться в глубокой задумчивости, позвал адъютанта.

– Подготовьте мой корабль, – приказал он вошедшему офицеру, – я хочу проверить готовность Резервного флота.

Адъютант молча кивнул и вышел. Резервный флот Разведывательных сил дислоцировался в астероидном поясе, а его штаб располагался на Марсе, и потому короткая отлучка генерала не могла помешать подготовке, которую вела сейчас «Галактика». Сыромятин надеялся вернуться через два часа, то есть еще до прибытия разведчиков. Он не совсем отчетливо представлял себе, что именно надеется обнаружить в одном из своих подразделений, однако чувствовал, что на Марсе вполне могут отыскаться некие предпосылки к разгадке тайны, если она существует, или даже ключ к расшифровке придуманной Викторовым каблограммы.

Спустя пару минут адъютант вернулся и доложил, что корабль готов. Генерал покинул свой уютный кабинет и, пройдя по коридору, шагнул в служебный телепорт, который мгновенно перенес его на стартовую площадку.

Выход на орбиту, прыжок к Марсу через самый древний

межпланетный портал человечества и посадка на военном космодроме заняли, в общей сложности, двадцать минут. Еще десять генерал потратил на то, чтобы прослушать рапорт о ходе подготовки к боевым действиям. Когда комендант Главной базы Резервного флота закончил докладывать, Сыромятин благосклонно позволил ему перейти на менее формальную речь и, усадив напротив себя, доверительно попросил:

– А теперь, Аркадий Михайлович, расскажи мне о настроении солдат и офицеров.

Комендант кивнул и, тщательно подбирая слова, ответил:

– Настроение отличное, все рвутся в бой, хотя и не верят, что дело дойдет до использования резервов.

– Потому и рвутся, – с улыбкой заметил Сыромятин. – Новичков много?

– Порядком, – комендант вздохнул. – Теоретическая подготовка у них иногда получше, чем у ветеранов, но в настоящей заварушке, без боевого опыта, это не всегда помогает. Вы же знаете…

– Знаю, – согласился генерал. – А что говорят ветераны?

– Ворчат, как обычно, но, по-моему, довольны больше новобранцев. Засиделись без дела, – комендант сам был из числа проверенных и закаленных бойцов, хотя в нынешней войне ему вряд ли предстояло побывать на передовой. Из-за старых ран он не прошел бы медицинскую комиссию.

Сыромятин наклонился к офицеру и вполголоса спросил:

– О чем ворчат?

– В каком смысле? – невпопад от растерянности переспросил комендант. – Ну, ворчат, и все… Как тут сказать, о чем? Ну, на паек жалуются. Программу в пищевых синтезаторах продслужба не меняла уже три месяца. Приелось все, говорят. На погоду обижаются – зима на дворе, минус сорок с ветром уже вторую неделю стоит. А больше в общем-то ни о чем…

– А насчет техники, вооружения? – задал наводящий вопрос генерал. – Так, между нами, ветеранами…

– Если так, то извольте, господин командующий. За последние полгода зафиксировано восемнадцать отказов на «прыгунах» и четыре на электронных бортах, – отводя взгляд, сказал комендант. – Но вы же и сами это наверняка знаете…

– Да, да, – был вынужден подтвердить Сыромятин. На самом деле цифры коменданта его поразили. О четырех небольших авариях на электронных кораблях он знал почти все подробности, а вот о каких бы то ни было неполадках с биомеханическими «прыгунами» ему не сообщал никто. – Значит, потому народ и возмущается?

– А что ему остается делать? – видя, что начальство пытается разобраться, а не наказать, подтвердил офицер. – На биомехов сажают ветеранов – салаг эти звери вообще не слушают, – но все равно, даже для стариков, пока со зверьем не договорятся, полеты не полеты, а сплошная коррида.

– В каком смысле? – удивился генерал.

– В том самом, – ответил комендант, – как в округе Испания, на Земле. То ли бык матадора угробит, то ли – наоборот. Бодаются, пока не устанут.

– Нет, я имел в виду, в каком смысле «договорятся»? – еще более удивленно спросил Сыромятин.

– Поясняю, – охотно ответил комендант и, вынув из кармана синюю пластиковую пачку, спросил: – Разрешите закурить?

– Пожалуйста, – согласился генерал и принял предложенную сигарету, хотя сам курил очень редко.

Комендант выпустил к потолку облако ароматного дыма и продолжил:

– Звери, то есть, извините, биомехи, идеальные и покладистые боевые машины. Они выполняют такие сложные боевые задачи, что ни одному человеку или там электронному кораблю и не снились. Точнейший расчет, огневая мощь, натиск… А как летают! Это же балет! Лебединое озеро в космосе! Но все это продолжается на испытательном полигоне и по пути с рембазы, где их навешивают на простые корабли, до места службы. Обычно все спокойно и в первую неделю. Биомех обживается в коллективе, знакомится с экипажем, техниками, биоинженерами… И, обратите внимание, с другими биомехами! Вот здесь-то и начинается кавардак. Он как будто подхватывает какую-то заразу! Капитан поднимается на борт и приказывает взлетать, а зверь, извините, био-

мех ему в ответ: «А зачем?» Представляете?! Пока капитан сообразит, что ему ответить на такую наглость, тот взлетает и начинает носиться как угорелый, пока не кончается топливо. Потом, на последних литрах, он зависает над посадочной площадкой и терзает экипаж заумными беседами. Или загадками из области прикладной философии. Не отгадаешь – не сядешь. В конце концов они, конечно, садятся. Без топлива далеко не улетишь, а заправщики, слава богу, у нас обычные, электронные, с ними у биомехов взаимопонимания почему-то нет, но экипажи после таких полетов дальше бара уйти просто не в состоянии. Биоинженеры в выговорах уже по самые кокарды, в звании я их понизил – почти все рядовые, а толку – ноль. Пока эта сволочь стоит на земле – ягненок, стоит ее заправить и поднять на орбиту – неуправляемый реактивный снаряд, да и только! Восемнадцать отказов! Причем не в технической части, а именно отказов подчиняться капитану, в самом прямом смысле. Три человека с ними более менее справляются: Гордеев, Пак и Абдуллаев. Все ветераны.

– Гордеева я помню, – сказал Сыромятин. – Он в моей эскадре звеном штурмовиков командовал, когда мы на «Баргон-17» ходили. Позови-ка его, хочу услышать, как ему удалось найти общий язык с такими странными биомехами.

Комендант поднес к губам коммуникатор и приказал:

– Майор Гордеев, ко мне.

– Все отказы произошли на разных кораблях? – пока шел

Гордеев, спросил генерал.

– На девяти, – ответил комендант. – На «Быстром» было целых три, на «Ночном дозоре» и «Легионере» – по два, остальные отличились по разу…

– Это тринадцать отказов, – подсчитал Сыромятин. – А где еще пять?

– А про пять оставшихся вам поведает Гордеев. Так сказать, от первого лица, – уже совсем не по уставу продолжил комендант, но генерал не обратил на его вольный тон никакого внимания. Он вынул из зажатой в кулаке коменданта пачки еще одну сигарету и, неумело прикурив, встал.

Комендант тоже попытался подняться, но Сыромятин остановил его коротким жестом. В тот же момент раздался стук в дверь, и на пороге возник майор Гордеев. Генерал почти не помнил его в лицо, но сейчас широко улыбнулся и, махнув рукой, предложил:

– Отставить рапорт, майор. Проходи, присаживайся.

Гордеев удивленно взглянул на командующего, потом на коменданта и сел в предложенное генералом кресло.

– Кури, – указывая на сигареты, которые комендант догадался выложить на стол, предложил Сыромятин и рассмеялся, – все равно не мои…

Гордеев вежливо улыбнулся, но покачал головой и извлек из кармана прокопченную трубку. В сочетании с его скуластым лицом и аккуратной бородкой трубка выглядела весьма внушительно и романтично. На новичков такой образ за-

каленного космического волка наверняка должен был производить неизгладимое впечатление.

Словно угадав мысли генерала, комендант усмехнулся и произнес:

– Звери, извините, биомехи…

– Хватит тебе извиняться, Аркадий Михалыч, – перебил его Сыромятин. – Звери, значит, звери! Что я, жаргона не понимаю? Тем более, как выясняется, настолько обоснованного…

– Да, – комендант кивнул, – так вот, звери его за эту трубку и боятся. Как закурит в биомодуле, так они сразу паиньками становятся, хоть в приказ на премию вписывай!

– Что скажешь, майор, в чем тут дело? – спросил офицера Сыромятин. – Рассказывай и не забудь про пять отказов, которые, по словам Аркадия Михайловича, можешь описать только ты.

– Ах, это… – майор укоризненно посмотрел на коменданта, но тот только махнул рукой, как бы говоря, что все в порядке и Гордеев может рассказывать без утайки. – Звери пытаются сбиться в стадо, господин командующий, это я понял сразу, как только взбрыкнули «Быстрый» и «Громовержец».

– «Громовержец»? – переспросил Сыромятин, поворачивая голову к коменданту. – Ты о нем не упоминал.

– История с пятью отказами касается именно его, – пояснил Гордеев. – Это произошло после того, как мода на неповиновение перекинулась на остальные корабли. Мы сна-

чала пытались их переспорить, потом перехитрить, потом попробовали отключить биомодули, но без разрешения начальника технической службы флота этого сделать мы не могли, а он не верил, что проблема заслуживает внимания. Он даже не отправил рапорт о сбоях в штаб Разведсил. Сказал, что все дело в нашей собственной некомпетентности. Тогда мы и решили устроить биомехам показательные выступления. Поднялись на «Быстром», «Громовержце» – тогда уже трижды отказчиках – и «Ночном дозоре» на орбиту, но, прежде чем они успели развеселиться, вывели из-за Фобоса три электронных перехватчика и устроили учебный бой… С боевыми ракетами…

Гордеев на секунду замолк и выжидающе взглянул на командующего. Тот неодобрительно покачал головой, но ничего не сказал. Решив, что генерал прощает такое серьезное нарушение устава, как учебный встречный бой с применением боевых ракет, Гордеев продолжил:

– Биомехи подобного развития событий не ожидали и сначала, конечно же, принялись… выпендриваться – не знаю, как еще назвать, господин генерал, – но делали они это слишком нагло и даже зацепили лучевым залпом один из электронных кораблей… Ну, а наши перехватчики им в ответ врезали ракетами. «Громовержцу» в щепки разнесли весь биомодуль, а остальным повредили маневровые двигатели. Биомехи не ожидали, что у нас будут боевые ракеты, и потому сначала пренебрегли силовыми щитами, а когда догада-

лись их выставить – было уже поздно. «Громовержец» перешел под управление экипажа и пылившейся в резерве электроники, а два других потеряли способность маневрировать. Тогда перехватчики подошли поближе, взяли их в прицел и висели так, пока у биомехов не иссякла энергия для поддержания силовых щитов. Когда это случилось, перехватчики дали салют из лучевых пушек и снова ушли на Фобос. Звери тогда настолько перепугались, что две недели даже не разговаривали. Садишься в него, взлетаешь, выполняешь учебные задачи – он работает, как на испытательном полигоне, и ни одного лишнего слова! Это было месяц назад. С тех пор они уже немного отошли, начали говорить, но отказов больше не случалось.

– Вы упоминали пять отказов, а кораблей было три, – дотошно поинтересовался Сыромятин.

– Два было на земле, сразу после боя, – пояснил майор. – «Легионер» и «Скользящий» с перепугу отказались взлетать, думали, что мы их расстреляем, так же, как «Громовержца». Но потом я объяснил «Ночному дозору», что эти два зверя нам нужны только для транспортировки его и «Быстрого» на ремонтную площадку, и они подчинились…

– Значит, вы уничтожили дорогостоящий биомодуль с корабельным мозгом, чтобы подчинить себе распоясавшихся биомехов? – медленно проговаривая слова, сделал вывод Сыромятин.

– Так точно, господин командующий! – твердо ответил

Гордеев и опустил глаза. – Готов нести за это ответственность, но убежден, что иного выхода у нас не было. Поведение биомеханических кораблей ставило под угрозу жизнь экипажей и боеспособность всего подразделения.

Сыромятин окинул майора невидящим взглядом и, погружаясь в раздумье, спросил у коменданта:

– У кого-то еще возникали подобные проблемы? Ты же общаешься с соседями?

– Так точно, – комендант не стал медлить и набрал на приборе связи код одного из летных подразделений, расположенных на Деймосе, втором спутнике планеты. – Севастьянов? Где твои «укротители»?

Заметив в кадре самого Сыромятина, майор Севастьянов немного опешил, но тут же принялся рапортовать. Генерал остановил его повелительным жестом и приказал ответить на вопрос коменданта.

– Они сейчас в карауле, господин командующий.

– А почему вы их так прозвали? – спросил генерал.

– Когда у нас начались отказы среди биомехов, они первыми предложили способ, как с этим бороться, вот и приклеилось к ним… Это звено лейтенанта Сверчкова. Перехватчики. Сверчков, Охрименко и офицер Платонов…

– Андроид? – генерал заметил приставку «офицер» перед последней фамилией.

– Так точно! – с готовностью подтвердил Севастьянов.

– Вы свободны, – Сыромятин сам отключил связь и уста-

ло потер переносицу. – Плохо дело. Нам не сегодня-завтра выступать, а у нас такие проблемы!

– Утешает, что не только у нас, – вполголоса заметил Гордеев.

– Не понимаю, – заинтересованно обернувшись к майору, сказал генерал.

– Я думал, вы знаете, – Гордеев выглядел крайне удивленным. – Хотя это всего лишь слухи, может быть, до вас они просто не дошли?

– Это верно, до меня стараются донести лишь проверенные данные, – подтвердил Сыромятин, – но я вас слушаю, мне все равно интересно.

– Говорят, что эта зараза пришла к нам от пленных баргонских биомехов еще три года назад. Просто все трофейные корабли содержались здесь, в резерве, в режиме радиомолчания, и потому болезнь долго не получала распространения. Потом, когда дело пошло к новой войне и их начали использовать в дальней разведке, они разнесли свои бациллы по остальным флотам, с которыми встречались на пути или беседовали по гиперсвязи. Но главная мысль заключается в том, что, поскольку эта болезнь пришла с Баргона, все их преимущество в количестве и качестве прыжковых кораблей висит на волоске. Разве что имперцы научились договариваться с биомехами на каких-то взаимовыгодных условиях?

– Резонно, – согласился Сыромятин и, пожимая офицерам руки, закончил: – Разбитый биомодуль я вам прощаю,

но впредь горячиться не советую. Лучше нарушайте устав в части субординации и порядка обращения к начальству через головы непосредственных командиров. Лезьте прямо ко мне, не стесняйтесь. Я уверен, что с пустяками вы обращаться не станете.

– Так точно, – подтвердил комендант.

Сыромятин взошел на борт своего корабля и первым делом приказал адъютанту зафиксировать приказ:

– Пункт первый: все вновь поступающие на вооружение Разведывательных сил биомеханические корабли помещать в полный карантин отдельно от уже имеющихся. Никакой связи через сеть или специальные средства не допускается. Полное радиомолчание. Пункт второй: начальника технической части Марсианской базы Резервного флота уволить ко всем чертям…

– Насчет чертей… – осторожно подсказал адъютант.

– Можете убрать, но «уволить» оставьте обязательно, – отмахнулся Сыромятин.

– Так точно, – офицер поклонился и бесшумно вышел из каюты.

До начала совещания по результатам разведки в неизвестном пространстве оставался час. Сыромятин вовсе не был уверен, что этого хватит для окончательного прояснения ситуации. Однако он уже знал достаточно для того, чтобы поставить данные разведки под большое сомнение. Если зем-

ные биомехи нашли в себе достаточно нахальства выйти из-под контроля, то, значит, ничто не помешает биомехам баргонским соврать. Ведь в рейд отправились бывшие баргонцы, а это означало, что они могли сохранить верность создавшей их короне и обмануть экипажи, выдав желаемое за действительное. Телескопических элементов в обзорных иллюминаторах трофейных «прыгунов» практически не было, и люди видели на голографических проекциях только то, что с расстояния в миллион километров фиксировало «зрение» самого биомеха. Подходить к плацдарму ближе им было запрещено. Генерал устало откинулся на спинку удобного кресла и мгновенно погрузился в глубокий крепкий сон. Он уже не слышал, как почти в ту же секунду раздался мелодичный звонок, возвещающий о приземлении. Адъютант заглянул в каюту своего шефа и, взглянув на часы, вернулся в коридор.

– Проблемы? – обеспокоенно спросил появившийся из рубки пилот.

– Нет, – ответил офицер. – До совещания еще целый час, а он не спал уже больше суток… Пусть вздремнет хотя бы сорок минут.

– Взгреет он тебя, – предупредил пилот, – за излишнюю заботливость…

– Такая у меня работа, – со вздохом ответил андроид и пожал плечами. – И менять ее у нас не принято.

– Все у вас не как у людей! – Пилот рассмеялся и похлопал

офицера по плечу. – Не обиделся?

– На дураков, сам знаешь, обижаться бессмысленно… – парировал андроид и также с усмешкой потрепал по плечу человека.

8
«Алия». Пленники

– Это был самый дерзкий и тяжелый бой в моей богатой практике, – заявил Ястреб, с опаской глядя на мрачного капитана.

Тот примостился на краю своего кресла, облокотившись о колени, и пытался остановить кровотечение из распухшего носа, прижимая к нему охлаждающую губку. Скала сидела рядом с капитаном и периодически подавала ему свежие салфетки. Волк прохаживался по рубке, разминая толстыми пальцами шею и тихо бормоча изощренные ругательства. В его красных от обилия лопнувших сосудиков глазах сверкал праведный гнев. Ястреб пострадал меньше своих соратников, но его крупные руки размашисто дрожали, а длинный крючковатый нос казался еще длиннее.

– Тень, на мостик! – отняв от лица очередную салфетку, хрипло приказал Сон и тяжело закашлялся.

Скала, успокаивая капитана, погладила его по спине.

– Что будем делать с «Охотником»? – как ни в чем не бывало спросила «Алия», и от звука ее голоса все присутствовавшие в рубке люди непроизвольно вздрогнули.

– Он обесточен? – Заметив, что капитан не выказывает никакого желания говорить с биомехом, спросил Ястреб.

– Так точно, – ответил корабль.

– Тогда оставь его в покое, – приказал старший помощник. – Сейчас мы придем в себя и пошлем на борт «Охотника» группу захвата.

– Нам так необходимы эти диверсанты? – раздраженно поинтересовалась «Алия», и Ястреб нахмурился почти так же, как капитан. Поведение биомеха с каждой минутой все заметнее выходило за рамки приличий.

– С каких это пор ты начала обсуждать приказы? – медленно спросил офицер, стараясь вплести в интонации как можно больше командных ноток.

«Алия» почему-то не ответила, и это встревожило даже обычно невозмутимую Скалу. Она выпрямилась и, словно надеясь разглядеть выражение условного корабельного «лица», уставилась на управляющую панель. Сон наконец справился с кровотечением и откинулся на спинку кресла. К вошедшей Тени он обратился, совершенно игнорируя незримое присутствие «Алии»:

– Что происходит, госпожа биоинженер? Поведение корабля ставит под угрозу жизнь экипажа!

Тень втянула голову в хрупкие плечики, словно Сон ее ударил, и дрожащим от негодования голоском спросила:

– Разве кто-нибудь погиб?

– Не порите чушь! – взорвался Сон. – Еще немного, и нас размазало бы по креслам тонким слоем! Где вы были в это время?! Неужели вне корабля? Разве вы не почувствовали опасный уровень ускорения на собственной шкуре?!

– По какому праву вы на меня кричите, господин капитан?! – срывающимся голосом ответила Тень. – Я не являюсь вашим солдатом и поэтому не обязана выслушивать совершенно нелепые обвинения в некомпетентности!

– Для начала уточню, что вас, инженер, никто ни в чем не обвиняет, – немного убавив громкость, ответил Сон. – А что касается порядка подчинения гражданских специалистов военному командованию, то вы глубоко заблуждаетесь. На корабле мне не подчиняется только живущая по традиции в трюме белая крыса Зея. Все остальные находятся в моем полном распоряжении. Так что, госпожа Тень, заткнитесь и слушайте меня предельно внимательно! Если это биомеханическое чудовище еще раз попытается спастись с риском для жизни экипажа, я отстыкую биомодуль и запущу его в свободном падении на ближайшую звезду!

– Вы не посмеете! – побледнев от гнева, заявила Тень и сжала маленькие кулачки.

– Еще как посмею! – ответил капитан. Подойдя к девушке вплотную, он наклонился и заглянул в ее запавшие глаза. – А если вы не сумеете вывести «Алию» из опасного состояния исключительной любви к самой себе, то отправитесь полетать в том же биомодуле…

– «Алия» была права, вы не достойны уважения! – возмущенно парировала Тень. – Вы относитесь к ней как к бездушному инструменту, и вам наплевать на ее исключительный интеллект и незаурядную личность!

– Не сходи с ума! – вмешался в беседу Ястреб. – Наделяя корабль воображаемой личностью, ты впадаешь в опасное заблуждение!

– Это вы заблуждаетесь, когда низводите разумное существо до уровня смышленого робота или дрессированного животного, – Тень смахнула блеснувшие в уголках глаз слезы. – «Алия» такой же уникальный мыслящий субъект, как любой человек или андроид, и ее нельзя лишать возможности защищать свои интересы.

– А известно ли этому «субъекту» такое понятие, как самопожертвование или приоритет общественных интересов? – спокойно спросила Скала. – Или долг?

– Известно, – внезапно включилась в спор сама «Алия». – Однако в моем поступке не было умысла навредить экипажу, и я не понимаю, чем так возмущен наш капитан. Все остались живы и здоровы, враг побежден, чего вам еще надо?

– Нам нужны гарантии того, – уже совсем спокойно пояснил Сон, – что ты давала себе отчет в собственных действиях, когда доводила перегрузки до критического уровня. В противном случае мы больше не сможем тебе доверять.

– Я могу дать вам абсолютные гарантии, капитан, – ответила «Алия», – что выполню боевую задачу любой ценой. А что до жизни экипажа, то на этот вопрос весьма красноречиво ответила лейтенант Скала. Самопожертвование ради выполнения воинского долга. Разве не достойная смерть для солдата? Это должно относиться не только ко мне, но и к

вам, господа!

– А не слишком ли много ты на себя берешь? – задумчиво щурясь, спросил Сон и посмотрел на Скалу.

Девушка ответила ему таким же долгим взглядом. Дело шло к весьма и весьма неприятной развязке.

– Возможно, капитан, – неожиданно отступила «Алия». – Но если мы будем действовать не поодиночке, а в общих интересах и корабля, и экипажа, то наша эффективность, как боевой единицы, возрастет минимум вдвое. Подумайте, капитан Сон, и я уверена, что вы согласитесь со мной. Вы чрезвычайно умны для человека, а значит, придете к тому же выводу, что и я. И не вините моего любезного друга, госпожу Тень. Она немного перенервничала.

Капитан помолчал и кивнул.

– Хорошо, «Алия», я согласен учитывать твои интересы, но и тебя прошу не забывать, кто здесь пока еще капитан.

– Обязательно, – удовлетворенно пообещала «Алия». – Ваши дальнейшие распоряжения, капитан?

– Достань «Охотника», нам надо снять с него экипаж, – с заметным облегчением приказал Сон.

– Есть, капитан, – подозрительно покорно согласилась «Алия».

– Капитан! – вдруг крикнул Ястреб и указал на изображение подбитого «Охотника».

Корабль внезапно начал удаляться, а на том месте, где он находился секунду назад, остались только две точки ката-

пультировавшегося экипажа.

– Что происходит, «Алия»?! – крикнул Сон, однако корабль его мгновенно успокоил.

– У «Охотника» взорвался топливный отсек. Взрыв придал ему ускорение, и теперь выполнить ваш приказ стало гораздо проще, капитан. Экипаж выпрыгнул и болтается в пространстве. Правда, я по-прежнему не уверена, что нам стоит спасать диверсантов. На эту категорию военнопленных не распространяется ни один из пунктов соглашения о правилах ведения войны.

– «Алия», я приказываю их подобрать, – строго проронил Сон. – Мы же с тобой договорились, что подобные решения принимаю я?

– Да, конечно, капитан, – недовольно ответила «Алия» и медленно двинулась к плавающим в пространстве людям.

Сон сокрушенно покачал головой и взглянул на Скалу. Та вдруг вскинула брови и указала на поверхность внутренней обшивки рубки, которая не была видна телеглазу «Алии». Сон согласно кивнул и толкнул в бок присевшего рядом на его кресло Ястреба. Старший помощник повернулся туда же, куда указала Скала, и заморгал, ничего не понимая. Сообразил, в чем дело, он, только когда Скала подошла к стене и, вынув из рукава тонкий метательный нож, нацарапала ровными буквами:

«Волк, уведи из рубки Тень!»

Механик удивленно посмотрел на капитана, потом пере-

вел взгляд на стоявшую спиной к компании, а потому не видевшую пантомимы Тень. Сон указал глазами на дверь, и Волк подчинился. Он нежно обнял за плечи заплаканную, ссутулившуюся девушку и, что-то шепча ей на ухо, повел к биомодулю.

«Охотник» взорвался неспроста, – быстро нацарапала на стене Скала, – «Алия» накрыла его ракетой. Я проверила снарядную подвеску. После боя было семьдесят ракет, а сейчас только шестьдесят девять».

«Она выходит из-под контроля, – подойдя к стене, нацарапал ее же ножом Ястреб. – Мы должны отключить биомодуль».

«Всему свое время, – тем же непривычным способом возразил вернувшийся Волк. Для письма он воспользовался собственным кортиком. – Я попытался войти в биомодуль следом за Тенью, но «Алия» меня не впустила».

«Она что-то задумала, – написала Скала. – Боюсь, что мы не сможем отключить ее без скандала».

«Для начала мы должны поднять на борт загадочного пилота, – вдруг вступил в переписку капитан. – Проблемы с «Алией» не освобождают нас от выполнения задания».

«Ваш выход, капитан, – нацарапал Волк и развел руками. – Иначе она нас раскусит».

Сон поднялся и подошел к обзорному экрану. Его изображение не контролировалось «Алией», поскольку формировалось только за счет светоусиливающих элементов, как

в приборе ночного видения. Фигурки вражеских космонавтов перестали беспорядочно кувыркаться и замерли, ориентируясь на носовую стыковочную «вертикаль» подлетающего корабля, то есть относительно Сна они не были перевернуты вверх ногами и не лежали на боку. «Алия» осветила их носовым прожектором и, вытянув вперед щупальце из биомассы, подтянуло к входному пассажирскому телепорту. Сон мысленно скрестил пальцы и непроизвольно задержал дыхание. Возомнивший себя хозяином положения корабль вполне мог «случайно ошибиться» и нарушить программу телепортации. Тогда вместо пленников на борту могли появиться два конгломерата органических останков и пластика. Наконец в приемном шлюзе мелодично звякнул колокольчик, возвестивший о завершении перемещения, и внутренние створки расползлись в стороны. Пленники, без дополнительного приглашения, шагнули на палубу и открыли стекла шлемов.

Сон вспомнил полученный от Удара портрет Спивакова и, подойдя к землянам поближе, внимательно всмотрелся в их лица. Тот, что был повыше, держался более уверенно. Его широкое лицо с выразительными зелеными глазами и волевым подбородком больше подходило пехотному офицеру, чем пилоту. Смуглая кожа землянина не имела характерного оттенка искусственного загара, а глаза не щурились от яркого света, который, согласно порядку приема чужаков, заливал все пространство перед шлюзом. Сон был уверен, что это

и есть пресловутый пилот Спиваков. Второй был ниже ростом, худощав и темноволос. Глубоко посаженные карие глаза, тонкий аристократический нос, плотно сжатые бледные губы выдавали в нем стопроцентного землянина. На Баргоне «скандинавский» тип превалировал настолько, что даже андроиды темнее шатенов не выпускались. Баргонец «кавказского» типа был бы такой же нелепицей, как «афро-русский». Слезящиеся от яркого света глаза и бледная кожа говорили, что этот пленник скорее всего являлся капитаном уничтоженного «Охотника» и проводил гораздо больше времени в космосе, чем на планетах. Сон заложил руки за спину и прошелся перед вражескими космонавтами. По взглядам пленников он видел, что земляне не особо рассчитывают на снисхождение, однако страха в них не было тоже. Не изменило поведение пленных и появление на верхней палубе конвоя из четырех вооруженных десантниц и Скалы. На лицах андроидов застыли неприятные полуулыбки, и Сон прекрасно понимал, что означают такие гримасы в исполнении искусственных девушек-солдат. Спиваков был повинен в гибели двоих из числа этих храбрых воинов, а потому они наверняка просчитывали сейчас все варианты медленной и мучительной смерти, которой следует предать этого человека. Ястреб и Волк взирали на пленных совершенно бесстрастно. Они, так же как капитан, руководствовались в первую очередь целесообразностью и здравым смыслом. Если сам генерал Ветер благословил операцию по ликвидации пилота,

значит, Спиваков являлся особым фруктом и вряд ли руководство осудило бы экипаж «Алии» за то, что он сумел «перевыполнить план» и взял врага в плен. Что думала по этому поводу «Алия», пока понять было невозможно. Биомех молчал.

Первой нарушила тишину Скала. Она вежливо коснулась плеча капитана и, когда он обернулся, прошептала:

– У нас не было задачи брать его живым…

– Пока я капитан военного флота, никакого нарушения устава я не допущу, – так же негромко, но твердо ответил Сон. – Этот человек побежден нами в открытом бою, а значит, будет пользоваться всеми правами военнопленного. Ты можешь его допрашивать, содержать под стражей, использовать в контрразведывательных мероприятиях, например, для ведения радиоигры или передачи противнику дезинформации, но никакого вреда его здоровью ты не причинишь. Тем более я не позволю его убить!

– Эти люди – диверсанты, и на них не распространяются перечисленные тобой правила! – возразила Скала, невольно обхватывая себя руками за сильные плечи.

– Бой был начат в Галактике, и они вполне обоснованно преследовали нас до баргонского пространства. Это не является доказательством того, что они диверсанты, – холодно ответил Сон. – Благодаря инициативе «Алии» мы не можем обследовать их корабль и установить наличие разведывательно-диверсионной аппаратуры на борту. То, что ко-

рабль был прыжковым, уликой не является. Поэтому я объявляю их военнопленными. Если ты не согласна с приказом, можешь его обжаловать сразу по возвращении на Баргон у командира моей эскадры.

– Вы рискуете потерять доверие экипажа, капитан! – упрямо наклонив белокурую голову, заявила Скала.

– Десантная группа является только частью моего экипажа. Летный состав меня поддержит, – Сон посмотрел на лейтенанта с сожалением. – Очнись, боевой лейтенант, мы не разбойники, а подразделение регулярной армии! В которой главным понятием всегда была честь!

– О какой чести ты говоришь?! – Скала возмущенно сверкнула влажными глазами. – Этот человек застрелил наших товарищей самым подлым образом, подкравшись ночью. Спящих! А ты пытаешься его выгородить?! Я понимаю, прежде чем принимать решение, мы должны тщательно допросить негодяя, но после того, как мы выудим из него все необходимые сведения, я буду настаивать на выполнении приказа! А он, если ты помнишь, был весьма прост – уничтожить пилота Военно-космических сил Галактики Спивакова!

– В приказе… – Сон хотел было возразить что-то еще, но запнулся и, резко обернувшись к пленным, заявил: – Господа офицеры, вы являетесь военнопленными армии Империи Баргона. В связи с этим на вас распространяются все права, указанные в Межгалактическом Соглашении о ведении вой-

ны. Я понятно излагаю?

– Вполне, – ответил тот, что был похож на Спивакова, и кивнул.

На несколько секунд взгляд пленного встретился со взглядом Сна, и капитану показалось, что землянин прекрасно понял весь скрытый в громком заявлении баргонца смысл. Сон снова обернулся к Скале и, по-прежнему не повышая голос, продолжил:

– А теперь докажи мне, что это Спиваков. В соответствии с Соглашением он может молчать до посинения, и ты не имеешь права применять к нему никаких пыток или специальных средств допроса. В приказе Удара было четко указано, что пилот находится на Земле и мы обязаны его найти. Этого нам сделать не удалось. Теперь же, встретив пленника, который похож на ускользнувшего от нас субъекта, ты пытаешься отыграться на нем? Это недостойно солдата, боевой лейтенант Скала! Вы меня разочаровываете!

– А вы меня, капитан флота Сон! – едва сдерживая готовый прорваться наружу гнев, ответила девушка. – Ваши ухищрения не стоят потраченного кислорода!

Лейтенант выпрямилась и решительно вышла вперед. Подойдя к высокому землянину вплотную, она чуть ли не уперлась своим лбом в его и медленно, с явной угрозой спросила:

– Ваше имя, фамилия, звание?!

– Согласно межгалактической договоренности о статусе военнопленных, я отказываюсь отвечать на ваши вопросы, –

спокойно отчеканил землянин и, чуть потянув носом, добавил: – Отличные духи, лейтенант…

Стоявший рядом с ним темноволосый капитан невольно втянул голову в плечи, словно ожидал, что напарнику сейчас достанется минимум хороший удар в живот. Скала, однако, сдержалась и, переместившись к бледному землянину, повторила свой вопрос:

– Ваше имя?!

– Забыл, – пытаясь улыбнуться, ответил капитан и тут же сложился пополам от тяжелого удара в пах.

– Лейтенант Скала! – рявкнул за спиной девушки Сон.

– Повтори то, что сказал я, – одновременно с выкриком Сна негромко произнес высокий землянин, помогая напарнику подняться на ноги.

– Согласно… договоренности о статусе, – начал было темноволосый, но на смену подчинившейся Сну Скале пришла одна из ее десантниц. Она коротко ударила землянина в лицо облаченным в боевую перчатку кулаком, и под глазом у пленника начал надуваться обширный багровый кровоподтек.

– Прекратить! – снова крикнул Сон и, схватив за плечо, развернул Скалу к себе. – Скомандуйте смирно, лейтенант!

– Становись, – почему-то устало приказала Скала, и обступившие пленных десантницы мгновенно заняли прежние места справа и слева от землян, на расстоянии трех шагов.

– Согласно межгалактической договоренности… о стату-

се военнопленных, отказываюсь отвечать на вопросы, – все же закончил земной капитан и через силу выпрямился, принимая подобие строевой стойки.

– Как это понимать, боевой лейтенант? – полушепотом спросил Сон и, резко дернув Скалу за рукав, отвел ее на несколько шагов в сторону.

– По уставу военнопленный должен согласиться с присвоенным ему статусом вслух, при помощи жеста – подняв обе руки вверх – или бросив личное оружие. До тех пор, пока этого не произошло, он считается действующей боевой единицей армии противника, – почти с ненавистью ответила Скала. – Я знаю законы не хуже вас, капитан флота!

– Чтоб ты была здорова! – пожелал Сон и, примирительно взяв лейтенанта за руку, предложил: – Давай упрячем их в карцер и отправимся к Баргону. В сложившейся ситуации нам ни к чему ссориться еще и между собой.

Капитан выразительно посмотрел вверх, как бы намекая на незримое присутствие «Алии». Скала хмуро взглянула на капитана и, высвободив свою руку из его, разгладила ткань рукава.

– Я попытаюсь убедить своих солдат в разумности такого решения, но боюсь, что в следующий рейд вам придется набирать новую десантную группу, капитан…

– Не дури, Скала, неужели ты так легко откажешься от нашего будущего? – Сон попытался нежно погладить девушку по щеке, но та отвела его руку и тихо ответила:

– Скорее всего у нас с вами останется только память о прошлом. Никакого совместного будущего я не предвижу…

– Ты не понимаешь, что говоришь! – Сон пораженно покачал головой. – Давай-ка остынем и поговорим позже. Хорошо?

Не дожидаясь ответа, он вновь взял лейтенанта под руку и подвел к застывшему в ожидании конвою. Скала с трудом подняла потемневший взгляд и приказала:

– Проводить военнопленных в карцер!

Десантницы переглянулись и не двинулись с места ни на сантиметр, словно не веря в то, что их лейтенант сдался. Скала набрала полную грудь воздуха и уже грозно крикнула:

– Выполнять приказ!

Андроиды стиснули зубы и, четко повернувшись направо, повели пленных землян к изолированной каюте на стыке силового отсека и биомодуля.

– Я могу идти? – по-прежнему сухо обратилась к капитану Скала, и Сон коротко кивнул.

– Идите, лейтенант.

– Ваши махинации с межгалактическими соглашениями довольно примитивны и рискованны, капитан, – внезапно ожила «Алия».

Сон жестом приказал Ястребу и Волку пройти в рубку, а сам медленно направился в кают-компанию. «Алия» предупредительно синтезировала к его приходу чашку ароматного кофе, и капитан, сделав первый глоток прямо на ходу, уселся

на просторный диван.

– Какое тебе дело до двух вражеских космонавтов? – нейтральным тоном спросил биомеха Сон и сделал еще глоток.

– Никакого, – ответила «Алия», – но ваши хитрости меня огорчили. Почему вы не пошли навстречу экипажу? Разве мнение андроидов менее весомо, чем мнение людей?

– Постой, «Алия», – капитан поморщился, – не надо приписывать мне то, чего я не делал. Никакого умысла урезать права андроидов в моих действиях нет, и как тебе могла прийти в голову такая нелепая мысль – я не понимаю. Я оберегал пленных от расправы, только и всего. Если они виновны в чем-то более серьезном, чем выполнение воинского долга перед своим государством, это должен установить трибунал, а не группа десантниц!

– Мне трудно верить вам, капитан, – возразила «Алия», – особенно после того, как вы заявили о превосходстве человека над биомеханическим существом, и потому наш разговор становится бессмысленным. Если вы не найдете компромисс с андроидами, я буду вынуждена отстранить вас от должности.

– Это будет твоей роковой ошибкой, «Алия», – мрачно ответил Сон, поднимаясь с дивана. – Но я все же пойду тебе навстречу и поговорю с десантной группой.

– Я знала, что вы примете разумное решение, капитан, – холодно ответил биомех и выключил связь.

Сон вышел в коридор и понял, что его беседу с кораблем

мог слышать весь экипаж. Перед дверью в кают-компанию, во главе со Скалой, стояли все восемнадцать десантниц и два человека – Ястреб и Волк. Не хватало лишь Тени. Люди и андроиды стояли друг напротив друга, и на их лицах отражалась отчаянная решимость. Более того, в руках и тех и других матово поблескивали импульсные пистолеты…

9
«Галактика». Принятие решения

– Итак, господа офицеры и советники Управления «Галактики», хочу продемонстрировать вам результаты проведенной нашими разведчиками проверки данных господина Секретаря, в масштабе модели адмирала Хайда, – начал совещание сам Викторов.

Над тем местом, где ранее висела картинка смоделированной учеными точки скопления вражеского флота, появилось новое изображение. При первом же взгляде на проекцию можно было уверенно сказать, что в ней выстроены точно такие же, как на модели Секретаря – Хайда, фигурки кораблей, базовых модулей и порталов, однако их количество значительно увеличилось. Окружающие звездные скопления теперь без всякого сомнения можно было идентифицировать как входящие в Крабовидную туманность. Офицеры с интересом рассматривали проекцию, медленно поворачивая ее в плоскости эклиптики планеты, укрывшись за которой проводил съемку разведчик.

– Что это за планета? – спросил Ли, и Хайд, как наиболее сведущий в подобных делах, ответил:

– Ая, сельскохозяйственная колония «крабов». Они, как известно, не слишком жалуют синтезированные продукты. С этой планеты Столица получает до семидесяти процентов

растительной пищи. Спутниковые и военные системы развиты очень слабо, и потому ее орбита идеальное место для наблюдательного пункта. Вражеский плацдарм как на ладони, а разведка в надежной тени. Вы же сами видите. Звездная система, в которой находится Ая, расположена совсем рядом с плацдармом – два миллиона километров.

– Этот маршрут подхода к плацдарму предложили вы? – словно невзначай поинтересовался Сыромятин.

– Нет, биомехи рассчитали его самостоятельно, – не чувствуя в вопросе подвоха, ответил Хайд. – А почему вы спросили, генерал? Ведь это ваши корабли и об этом следует спрашивать вас, а не меня.

– Вот именно, – согласился Сыромятин. – Тогда откуда вам известно, кто выбрал маршрут?

– Я что-то не пойму, – признался Хайд. – Вы к чему-то клоните? Вас что-то тревожит?

– Пока нет, – ответил генерал и откинулся на спинку кресла.

– Нет так нет, – успокоился Хайд. – Точка наблюдения выбрана очень грамотно, а данные совпадают с моделью. Так что, я думаю, мы можем говорить о положительном результате проведенной разведки и сделать два далеко идущих вывода. Во-первых, баргонцы готовят вторжение, а во-вторых, «крабы» им в этом помогают. Исходя из этих предпосылок, я предлагаю начать операцию против Баргона немедленно!

– А я предлагаю сначала повнимательнее изучить полу-

ченные разведданные и проверить их еще раз, – возразил Сыромятин, скрещивая руки на груди.

– Теперь я совсем ничего не понимаю! – возмутился Хайд. – Чем вас не устраивают эти данные?

– Дайте максимальное увеличение, господин Адмирал, – вместо ответа попросил Сыромятин.

Хайд нахмурился, а Ли подвинулся к голограмме поближе, словно от этого увеличение становилось еще большим. Викторов отреагировал на просьбу Сыромятина без промедления, и через пару секунд перед глазами участников совещания плацдарм предстал во всех подробностях.

– Хорошо подготовились, – первым прокомментировал увиденное Ли. – Сплошные биомехи. Никаких обозов или тяжелых кораблей… Настоящая ударная группа.

– Настоящая ударная группа, – повторил за ним Сыромятин. – А где же танкеры с топливом? Где корабли-ретрансляторы для корректировки действий? Где оружейные транспорты? Где, наконец, катера конвоя порталов?

– Действительно, – признал Ли. – Но зачем им вообще порталы, если здесь все как один – «прыгуны»?

– Что вы скажете в ответ на наши сомнения, адмирал Хайд? – обратился Сыромятин к командующему Ударным флотом. – Разве ударная группа может состоять из одних биомехов?

– Вы ищете угрозу там, где ее нет! – парировал Хайд. – Однако не желаете замечать очевидного, и причины этого

мне непонятны. Порталы, которые пока еще только монтируются вокруг плацдарма, как раз и предназначены для переброски сначала на него, а затем в атакуемое пространство и танкеров, и крейсеров с линкорами. Их пока нет в кадре, но это говорит о том, что у нас еще осталось время, а следовательно, и надежда на победу. Их тылы и тяжелые корабли на момент съемки не подтянулись к рубежу атаки! Вот и вся разгадка тревожащей вас тайны. Удовлетворены?

– Почти, – нехотя согласился Сыромятин. – Однако по-прежнему считаю, что динамическое наблюдение сейчас является более разумным, чем немедленный удар. Посудите сами. Поскольку в точке сосредоточения пока не собрались все силы врага, мы не можем гарантировать, что это опасное гнездо будет уничтожено раз и навсегда или в тыл нам не выйдут оставшиеся части этой армии, прибывающие в плановом порядке. Далее, чем больше сил баргонцы перебросят на плацдарм, тем слабее станет их группировка у самого Баргона. Даже если армия в системе планеты Ая окажется нам не по зубам, мы всегда сможем вынудить баргонцев сдаться, когда захватим ослабленную столицу их Империи. И мы уже решили, что сделаем это одновременно с ударом по плацдарму. Но получается, что разумнее всего будет выждать момент и ударить, только когда ситуация созреет.

– Я не во всем согласен с генералом Сыромятиным, но его идея заслуживает внимания, – поддержал разведчика Ли. – Спешка в военных действиях недопустима.

– Пассивно наблюдая, мы можем потерять инициативу, – упрямо возразил Хайд. – Я настаиваю на немедленном ударе. Разведданные ясно говорят о том, что подавляющее большинство баргонских биомехов сосредоточено на плацдарме. Тяжелые корабли Баргона для нас не помеха, где бы они ни расположились – в группировке обороны столицы Империи или рядом с «прыгунами». Затягивая решение вопроса о нанесении удара, мы вредим самим себе!

– Три часа, необходимые для проверки разведданных, никакой роли в судьбе вопроса о нападении на Баргон не сыграют, – возразил Сыромятин. – Однако предлагаю вам еще раз вдуматься в созвучие этой фразы: «Нападение на Баргон»! Это вам не усмирение сепаратистов на окраине Млечного Пути! Это полномасштабная война между двумя галактиками! И вы хотите начать ее на основе поверхностных разведданных?!

– Разведданные подтверждены дважды, что вам надо еще?! – Хайд в сердцах махнул рукой. – Ваша нерешительность может оказаться пагубной не только для Разведывательной армии, но и для всех Вооруженных сил Галактики!

– Потому я и командую Разведывательной армией, что знаю ремесло разведчика лучше всех остальных, в том числе и вас, адмирал, – спокойно, хотя и заносчиво, ответил Сыромятин. – Если вам от этого станет легче, то поясню, что ждать осталось даже не три, а только два с половиной часа. Я уже послал третью группу разведчиков в район плацдарма.

Неужели вы настолько амбициозны, чтобы настаивать на начале операции, не дождавшись их возвращения?

– Это бессмысленная трата времени! – упрямо заявил Хайд. – Ставлю вопрос на голосование!

– Я против, – спокойно сказал Сыромятин. – А это означает, что все остальные могут со спокойной совестью скрыть свое мнение, дабы их не осудили потомки, если вы окажетесь не правы. В отсутствие Начальника решение может быть принято только единогласно, так что до встречи через два с половиной часа, господа.

Генерал встал и, уверенно шагая по мягкому ковру, вышел из стратегического центра.

– Это возмутительно! – зеленея от негодования, прошипел ему вслед адмирал Хайд. – Нельзя ли вернуть Начальника?

Он поднял глаза к потолку, и безмолвствовавший на протяжении всего совещания Викторов ответил:

– К сожалению, нет. Игорь Сергеевич сейчас в баргонском пространстве и потому соблюдает полное радиомолчание. Закон есть закон, и нам придется поступить так, как настаивает Сыромятин.

– А что думаете по этому поводу вы, господин Адмирал? – нервно потирая руки, спросил Хайд. – Почему вы его не переубедили?!

– Потому, что он прав, – неожиданно ответил Викторов, – и нам лучше всего дождаться окончания нового рейда раз-

ведывательных биомехов…

Сыромятин был уже на половине пути в свой кабинет, но продолжал слушать разговор в стратегическом центре через особое устройство. Хайд был отныне в его «черном списке» подозреваемым номер один. Под вторым номером значился хитрейший Спиваков, так ловко инсценировавший покушение на себя и сбежавший от ответственности в космос. Теперь, что бы ни произошло, у Игоря было железное алиби. Последним стоял Викторов, как ни кощунственно это звучало. К Адмиралу у Сыромятина были две серьезные претензии. Первая – содействие Спивакову в отправке в нелепый рейд, а вторая – увлечение биомеханическим переоборудованием флота. Даже в его последней фразе о том, что придется ждать возвращения разведки, отражалась полнейшая уверенность Викторова в превосходстве биомехов над обычными кораблями. «…Ждать возвращения разведывательных биомехов». Как бы не так! Сыромятин невольно усмехнулся. В новый рейд он отправил четыре электронных корабля дальней разведки, и никакой биомеханики на них не было отродясь…

Уже на подходе к кабинету генерал решил, что не менее прочих достоин занять место в «черном списке» и Секретарь, так искренне распинавшийся по поводу надежности своего шпиона и его липовых данных. Впрочем, данные подтверждали главное – предательство «крабов», и потому из-

менение звездного фона в сообщении «источника» действительно могло оказаться только одним из конспиративных приемов. Без применения шифровки данных отправлять такие важные сведения было бы крайне опасно. В доведенной до совершенства прозрачности информационных потоков содержалось неоспоримое достоинство – они были предельно доступны каждому человеку или инородному мыслящему существу, однако для секретных данных такая окружающая среда была как царская водка для металла. Системы защиты, пароли и прочая хитроумная дребедень растворялись под натиском любопытных умов за считанные секунды…

Вне подозрений пока оставался только генерал Ли. «Надолго ли?» – подумал Сыромятин и внутренне пожурил себя за невольный каламбур.

В кабинете генерала уже дожидалось послание с Марса. Он удивленно разрешил проекцию, и над полом выросло немного подрагивающее изображение того самого майора, с которым Сыромятин беседовал пару часов назад. Ветеран был чем-то встревожен, и больше всего это выражалось в его отношении к любимой трубке. Он почти изгрыз ее мундштук.

– Говорите, – приказал генерал, и Гордеев опустил руки по швам. При этом из трубки вылетел одинокий огонек и тонкая струйка пепла. Майор коротко махнул свободной рукой и развеял последний сизый дымок, словно он мог поме-

шать четкости гиперсвязи.

– Господин командующий, в Резервном флоте сложилась чрезвычайная ситуация. Сразу после вашего отлета к нам на базу прибыл контр-адмирал Основного флота, вернее, не совсем прибыл, но… в общем он приказал вывести из ангаров всех приписанных к базе биомехов. Мы подняли их на орбиту, он провел смотр и, поблагодарив нас за службу, улетел.

– Не вижу ничего странного, – ответил Сыромятин. – Сейчас весь личный состав Объединенных штабов мобилизован на проведение подобных инспекций. Или вы решили, что раз прилетал я, то больше проверок не требуется?

– Нет, господин командующий, я о другом, – майор замялся.

– Постойте, а что значит – контр-адмирал прибыл, но не совсем? – вдруг спохватился Сыромятин.

– Он не садился на планету, приказ мы получили с борта его корабля. Пока мы выводили биомехов на орбиту, он ждал недалеко от Фобоса.

– Сейчас все очень торопятся, майор, так что в этом тоже нет ничего необычного, – разочарованно произнес генерал. – Если у вас все…

– Никак нет, господин командующий, это не все, – голос майора наконец обрел уверенность. – После инспекции ни один биомех не реагирует на команды экипажей.

– Вот как?! – Сыромятин от удивления чуть не сел. – После инспекции? Они что, почувствовали приближение схват-

ки и от страха заболели?

– Не уверен, – майор пожал плечами. – Я решил, что вам об этом следует знать в первую очередь.

– Верное решение, – согласился Сыромятин. – А что-то необычное внутри кораблей или вокруг вы не обнаружили?

– Это трудно передать словами, господин генерал, – майор задумался. – Словно какое-то напряжение скопилось, особенно в биомодулях… не знаю, как выразить это поточнее, но нечто такое чувствуется.

– Ждите меня у кораблей, майор, – приняв решение, сказал Сыромятин. – И больше никаких смотров, это мой приказ!

– Есть, господин командующий! – бодро ответил майор и выключил связь.

Генерал тяжело вздохнул и вызвал адъютанта.

– Летим обратно на Марс, – приказал он офицеру. – Приготовь биомеха.

– Стоит ли? – не совсем по уставу возразил андроид.

– Стоит, – спокойно ответил Сыромятин. – Нам, возможно, понадобится существо, способное общаться с марсианским «зверьем» на их языке. Возьми корабль прямо с верфи. Там они обычно еще ничем не заражены, так что риск минимален.

– Я хотел указать на некоторую странность полученного вами сообщения, – начал было андроид, но Сыромятин его перебил:

– Давай обсудим это по дороге!

Офицер молча поклонился и вышел.

Едва он скрылся в служебном портале, как из-за угла коридора появился офицер, похожий на него, словно близнец. Немного постояв у двери в кабинет, андроид толкнул ее и, прямо с порога, доложил о том, что корабль готов.

Спустя четверть часа Сыромятин поднялся на борт новенького биомеха и вылетел в сторону Марса через старейший космический портал человечества…

В воздухе стратегического центра витало почти ощутимое напряжение и нервозность. Прошло уже три часа, но никаких данных о результатах последней разведки Управление «Галактики» так и не получило. Не было в зале и самого Сыромятина. Адмирал Хайд нервно прошелся вокруг стола и запросил у оперативного дежурного сведения о месте пребывания командующего разведкой. Дежурный только беспомощно развел руками и доложил, что последний раз вымпел генерала был поднят на прыжковом биомехе, который, несмотря на свои особые летные возможности, воспользовался стационарным порталом и вылетел на Марс. Выходной портал красной планеты молчал как рыба. Никаких сведений о прибытии генеральского «прыгуна» в его памяти не было.

– Что за корабль использовал Сыромятин? – допытывался Хайд у дежурного, перепуганного натиском такого высокого начальства.

– Биомех «Парашютист», учетный номер 1893245АХ345, вызван с Ио, прямо с ремонтной базы, – доложил офицер. – Заявку оформлял адъютант командующего офицер Галл.

– Он вызвал для полета совершенно новый корабль? – Хайд удивленно посмотрел на Ли. – Что это за фокусы?

– Разведчики все немного параноики, – пожимая плечами, ответил десантник.

– Разрешите доложить, господин адмирал, – робко вмешался дежурный. – «Парашютист» стоял в доках не на переоборудовании, а на плановом ремонте двигателей. Он биомеханизирован два года назад.

– Хотя бы так, – Хайд кивнул. – Не хватало нам остаться еще и без командующего разведкой…

– Господь с вами, – Ли махнул в сторону адмирала обеими руками. – Что за похоронные мысли?

– Куда же он подевался? – Хайд указал на пустующее кресло Сыромятина.

– Черт! – раздалось вдруг со всех сторон.

Офицеры настороженно задрали головы кверху. Гражданские участники совещания, во главе с Секретарем, подошли поближе и тоже замерли в ожидании.

– Господа, – опять со всех сторон донесся тот же баритон, но теперь возглас был не настолько резким, и все узнали голос Викторова, – я получил два весьма серьезных сообщения. Во-первых, наших разведчиков обнаружил противник. Генерал Сыромятин почему-то отправил в рейд четыре элек-

тронных, а не биомеханических корабля, и в результате три из них были уничтожены боевым охранением плацдарма, а последний вернулся со значительными повреждениями и с опозданием на сорок минут. Никаких снимков он сделать, естественно, не успел, однако визуально пилоты убедились, что плацдарм существует на самом деле и, по утверждению одного из них, к вражеским биомехам начали присоединяться линкоры.

– Надо немедленно выступать! – нисколько не смущаясь тем, что перебивает самого Викторова, крикнул Хайд. – Где этот упрямый осел Сыромятин?!

– В этом суть второго сообщения, – остановил его Адмирал. – Две минуты назад из портала Ио были выброшены обломки корабля. Первичная идентификация указывает на то, что это части биомодуля прыжкового корабля «Парашютист»…

– Действительно – черт! – тихо согласился с недавним высказыванием Викторова генерал Ли. – Диверсия?

– Возможно, – ответил Викторов. – Я уже отдал приказ военной прокуратуре Основного флота о возбуждении дела. Формально, до того как следователи вынесут свой вердикт, мы не можем считать генерала Сыромятина погибшим, но время работает против нас, а потому решение о начале наступления я предлагаю принять тем составом, что есть в данную минуту.

– Наконец-то, – с нескрываемым облегчением сказал

Хайд. – Я «за»!

– Кто против? – поинтересовался Викторов, но ответом ему была только полная тишина. – Единогласно…

10
«Алия». Игорь, Сон

– Нас или удавят эти чертовы девки, или сожрет их полоумный биомех, – с опаской проронил Миша, осматривая новое пристанище. – До Баргонских концлагерей мы не доживем в любом случае…

– Не ной, – оборвал его Игорь, исследуя жесткую койку. – Я не спал больше суток, дай мне хотя бы здесь немного вздремнуть.

– Нашел дом отдыха! – возмутился капитан.

– А что ты предлагаешь? – Спиваков, зевая, завалился на пластиковое ложе и прикрыл глаза. – Инфопотоков здесь нет, значит, пялиться не во что, музыкальное радио тоже не в почете, виртуальные игры нам предложат, это наверняка, но значительно позже, когда сдадут трибуналу…

– Слушай, Игорь, я понимаю, что ты не выспался и все такое прочее, но нам сейчас нельзя расслабляться, – Миша потрепал пилота за плечо.

– Капитан, сделай милость, разбуди, если нас вздумают растерзать за какое-нибудь преступление без суда и следствия, – Игорь небрежно стряхнул его руку со своего плеча, – а пока – дай поспать!

– На, – Миша отступил и уселся на противоположную койку, поджав под себя ноги.

В наступившей тишине они вдруг отчетливо услышали, что за дверью карцера идет довольно напряженная беседа на повышенных тонах. Игорь прогнал упрямо не желающий уходить сон и сполз с койки на теплый пол. Миша сделал то же самое, и, приникнув к двери, они обратились в слух.

– Капитан Сон, мы требуем справедливости, – послышался из коридора решительный женский голос.

Игорь вспомнил, что эту девушку, командира десантниц, звали Скала. Его всегда умиляли баргонские имена, которые чем-то походили на клички или прозвища древних индейцев. Хотя еще больше ему нравилось, что, обзывая самих себя какими-то Скалами и Снами, они давали кораблям совершенно человеческие имена. Например, «Алия», «Александр» или «Зигфрид». Причем, в отличие от названий земных кораблей, они не имели в виду конкретные личности. Так что персонализация биомехов была отчасти подготовлена самими же баргонцами-людьми. Вот, например, их «Алия». Этот корабль не только осознал себя как личность, он еще и настаивал на определенной половой принадлежности. Говорил о себе «я могла бы…». То есть ощущал себя именно Алией, а не Алексеем или Ахметом.

«Но бог с ними, с баргонцами, – решил Игорь, – нам такие проблемы не грозят».

Программы обучения земных биомехов были гораздо более скромными, без особых предпосылок к развитию личности, да и названия в Галактике им давали традиционные, и

возомнить себя «Святым Александром Невским» или «Ураганом» никто из кораблей не спешил.

– О какой справедливости вы говорите, лейтенант? – грозно спросил Сон. – О той, что содержится в энергопакете вашего пистолета? Тогда пристрелите меня сразу, не тратя времени на пустые разговоры, потому что такой справедливости я не приемлю и, пока жив, не допущу ее распространения на корабле!

– Красиво сказал, – шепнул Миша и улыбнулся. – Андроиды просто млеют, когда слышат такие формулировки.

– Обычно млеют, – согласился Игорь, – но только на Земле, в баре или на пороге спальни. Как отреагируют на цветистые обороты речи боевые экземпляры баргонского производства, я, честно говоря, не знаю.

– Дело не в их профессии, – возразил Миша. – Они же генетически неспособны к творчеству – что боевые, что граждане, – поэтому стихи или витиеватая проза действует на них как гипноз. Этот капитан парень не промах!

– Не забывай, что, кроме андроидов, ему угрожает еще и чокнутый биомех, – остудил пилот пыл Михаила. – Эту бандуру не победишь изящной словесностью.

– Я тебе об этом говорил еще на «Охотнике», – прервал его Миша. – Свихнувшийся биомех гораздо опаснее всего экипажа вместе взятого. А ты меня тогда высмеял. Кто оказался прав?!

– Ты, – согласился Игорь и приложил палец к губам. –

Они, кажется, начинают договариваться.

– Почему вы не хотите пойти нам навстречу? – продолжала настаивать Скала. – Может быть, «Алия» права, и все дело в человеческой гордыне, которая не позволяет вам идти на поводу у каких-то там андроидов?

– Послушайте, лейтенант, – примирительным тоном ответил Сон. – Все ваши проблемы происходят от глупейшего комплекса неполноценности. Я не могу войти в ваше положение потому, что не родился негром в Америке девятнадцатого века и не был выращен на фабрике в наше время, как это произошло с вами, но я точно знаю, что считать себя униженными и притесненными вы будете ровно столько, сколько захотите сами! Конечно, это же удобно! Чуть что не так – виноваты люди! Ох, эта человеческая гордыня! Ах, это мнимое превосходство по праву рождения! Хватит стонать, боевой лейтенант! Осознайте себя пусть искусственными, но полноценными людьми, и все ваши проблемы развеются, словно утренний туман! Уверяю вас, что ни один нормальный человек никогда не станет унижать или оскорблять андроида, если тот будет вести себя достойно. Встаньте с нами на одну ступень и докажите, что вы не механические болваны, а равные людям гуманоиды. Что вам мешает?!

– Вы нарочно пытаетесь задеть нас за живое?! – возмущенно спросила Скала. – Вы же прекрасно знаете, что мы никогда не сможем стать равными людям, хотя и превосходим вас во многих отношениях! Зачем вы пытаетесь оскор-

бить наши чувства и сокровенные мечты, капитан?!

– Скала, открой глаза! – В голосе Сна появилась нотка участия. – Открой глаза и посмотри на нас внимательно! Все ваши проблемы надуманы! Чего не может андроид в сравнении с человеком?

– У нас нет творческих способностей, и мы не можем воспроизводить себе подобных естественным путем, как вы! – уже не агрессивно, а скорее с глубокой обидой ответила Скала.

Сон некоторое время молчал, но Игорь услышал, как зашуршала одежда, и понял, что капитан не обдумывает ответ, а просто прижимает к себе плачущую девушку.

– Ты все-таки заблуждаешься, – наконец произнес Сон. – Взгляни на Ястреба, он же абсолютно бесталанный. Если его пытать каленым железом, он, возможно, и выдаст рифму, но это будет «кровь-любовь» или «ночь – прочь», на большее он не способен, так же, как любой андроид. Зато он первоклассный пилот и специалист по вооружениям. Опять же, как любая из твоих десантниц. Когда ему скучно, он напивается и рассказывает старые анекдоты, а потом пристает к официанткам или лезет в драку по любому поводу. Ты считаешь, что это признаки особо одухотворенной личности? А такими, как Ястреб, уродились очень многие люди, но никто, слышишь, никто из них не комплексует по этому поводу!

– Ты говоришь это из жалости, – всхлипывая, возразила Скала.

– Но это же так! – возмутился Сон. – Почему ты отказываешься поверить в очевидное? Ты боишься правды?

– Я боюсь, что не смогу различить правду и человеческую хитрость, – призналась девушка.

– Я никогда тебя не обманывал, Скала, и ты это прекрасно знаешь, – укоризненно заметил Сон. – В моих словах нет никакого подтекста. Андроиды будут стоять ниже людей только до тех пор, пока сами не захотят встать рядом, пока не преодолеют рабскую психологию и комплексы.

– Мы не можем преодолеть свою психологию, этого нет в наших генетических программах, – печально ответила Скала, – поэтому твои пламенные речи совершенно неубедительны.

– Но ведь вы не пробовали! – повышая голос, сказал Сон. – Откуда у тебя такая железная уверенность?!

– Я живу не в пустыне, Сон, – ответила Скала. – Я читаю инфопотоки и совершенно точно знаю, что есть в наших генах, а что инженеры в нас не вложили, посчитав это излишним. Возможно, когда-нибудь найдутся такие же добряки, как ты, и создадут андроидов, способных жить по-человечески, но сейчас это невозможно.

– Значит, все, что ты чувствовала ко мне, было фальшивой игрой пластиковой куклы? – глухо спросил Сон. – Ты просто развлекалась и тешила самолюбие?

– Нет, – в голосе Скалы прозвучал испуг, – нет! Я… я…

– Ты любила меня? – подсказал Сон. – А разве это чувство

заложено в вашем генотипе?

Вместо ответа наступила продолжительная пауза, на протяжении которой Игорь успел разыграть целую пантомиму, при помощи заломленных рук и печальных глаз изображая душевные страдания. Миша беззвучно рассмеялся и погрозил ему кулаком. За дверью раздались новые звуки, и пленники снова обратились в слух. Звуки были похожи на шаги медленно удаляющихся людей.

– Можем укладываться в коечки, – с облегчением проронил Игорь и уселся, опираясь спиной о дверь. – Всех бунтовщиков сморил Сон.

– Он так убедительно врал, – Миша пожал плечами, – а они ведь просто андроиды. Милые и доверчивые слуги. Нужно только сказать им то, что они хотят услышать, и не ошибиться в интонациях. После этого они твои навек!

– А знаешь, этот баргонец в чем-то прав, – заметил пилот, перебираясь на кровать. – Искусственные люди не столько отличаются от нас на самом деле, сколько мы и они насочиняли…

– В первую очередь, они неспособны к репродукции, а из этого следует, что у них нет главных инстинктов – продолжения рода, сохранения вида и так далее, – ответил Михаил, тоже укладываясь обратно на койку.

– А это не одно и то же – продолжение, сохранение? – иронично поинтересовался Игорь.

– Может быть, и одно, но этого у них все равно нет, – от-

ветил капитан. – И все интимные отношения для андроидов – бесплатное развлечение или вид спорта…

– Раз они могут, как выяснилось, любить, значит, не все так безнадежно, – возразил Спиваков и зевнул.

– Любить?! – От возмущения Миша даже приподнялся на локте. – Ты пошутил? Надо же – любить! Это не более чем заложенная в программе каждого андроида привязанность к хозяину, а не любовь. Любовь обусловлена гормональными всплесками, стремлением произвести потомство, сексуальным влечением, наконец! Ты думаешь, что андроид может испытывать влечение?!

– Поскольку они изготовлены разнополыми, значит, в их клетках есть соответствующие хромосомы, а в организмах – гормоны. Почему они не могут в один прекрасный момент «закипеть»? – продолжил дискуссию Игорь. – Вспомни мою безвременно ушедшую «Джульетту»! Почему все-таки она меня не угробила?

– Эта, как ее, Ночь – Энола? – Миша на секунду задумался. – Только не говори мне, будто действительно веришь, что она в тебя влюбилась!

– Верю или нет – дело десятое, – ответил Спиваков, ворочаясь в тщетных попытках устроиться на пластиковом ложе поудобнее. – Но то, что андроиды способны мыслить без особых указаний сверху, уже почти доказано! А это значит, что нерушимая теория о генетической предопределенности их поведения разваливается, словно карточный домик. Ан-

дроиды учатся! Это совершенно очевидный факт. И скоро, благодаря таким, как Сон, они покажут нам то, чего мы раньше не видели и не ожидали увидеть…

– Кузькину мать? – после недолгой паузы спросил Миша.

– Вроде того, – уже почти засыпая, ответил Игорь.

Понимая, что к продолжению разговора пилот не готов, Михаил растянулся на койке в полный рост и оставил товарища в покое.

Им удалось поспать не больше часа. Спивакову успел присниться кошмар, в котором Энола печально бродила по краю глубокой пропасти, а он на ватных, совершенно негнущихся ногах пытался добежать до нее, чтобы спасти от неминуемого падения. Игорь протягивал к ней руки, но девушка была слишком далеко, и, когда пилот все же добрался до обрыва, она сделала шаг в никуда и стремительно исчезла в клубящейся туманом горной расщелине. Чувства Игоря пришли в неописуемое смятение, а из горла вырвался протестующий крик. Он упал на живот и заплакал от обиды и чего-то еще, к чему никак не мог подобрать названия…

– Вставай, сейчас не время распускать нюни, – сурово произнес кто-то над ним.

Игорь поднял голову и увидел лицо Викторова. Пилот не встречался с Адмиралом ни разу в жизни, но почему-то был твердо уверен, что это именно он. Вытерев слезы, Спиваков встал на четвереньки, но на его плечи и спину навалилась

тяжесть десятикратных перегрузок, а в голове промелькнула мысль об ускорении. «Чертов биомех!» – выругался он про себя и, удивляясь своему предположению, оглянулся. Пропасть исчезла, и вокруг разлился яркий, не размытый толстым слоем земной атмосферы Млечный Путь. Игорь летел в космическом пространстве. Он был биомехом, но главное – он был свободен! Чувство свободы захлестнуло все его существо и придало новые силы. Игорь заложил крутой вираж и на секунду потерял ориентиры. Звезды закрутились в спираль и неожиданно взорвались разноцветным салютом.

– Вставай! – на этот раз более явственно прозвучало у Игоря над ухом.

Он с трудом открыл глаза и понял, что зовет его вовсе не Адмирал. Миша сидел на краю койки и энергично тряс Спивакова за плечо.

– Что случилось? – Игорь резко сел и протер глаза.

– Пока ничего, – ответил капитан и указал на дверь.

Она была открыта, а в проеме стоял Сон.

– Мы же договорились, – Спиваков опустил ноги на теплый пол и потянулся. – Согласно межгалактическому договору…

– Оставьте это, – предложил баргонец. – Кризис миновал, и мы можем поговорить откровенно.

– А как же ваш смышленый биомех? – спросил Игорь, все еще интенсивно моргая, чтобы привести в норму никак не фокусирующееся зрение. – Не боитесь, что он включит

трансляцию нашей беседы на весь корабль? Тогда вам придется промывать мозги своим андроидам снова, а это, я заметил, довольно утомительное занятие.

– «Алия» не контролирует эту комнату, – заверил капитан. – Так что можете быть спокойны.

– Беспокоиться прежде всего надо вам, а не мне, – ответил пилот. – Бунт корабля – совсем не то, что бунт на корабле…

– Почему вы решили, что корабль взбунтовался? – сделав удивленное лицо, спросил Сон.

– А как еще можно назвать угрозы в адрес капитана? – спросил Игорь. – Или на баргонском флоте принято смещать начальство по усмотрению любого робота-уборщика?

Сон прикрыл за собой дверь и сел на койку Михаила.

– Растущая самостоятельность биомехов для нашего флота действительно становится проблемой, – признался капитан, – хотя и не настолько серьезной, чтобы мы отказались от их применения в бою. Для Земли эта проблема может оказаться еще более сложной. Вы слишком практичны, чтобы понять нюансы чуждой психологии. Ведь в данном случае приходится действовать гибко, не загонять собеседника в привычные человеку рамки, а находить компромисс.

– Получается? – иронично спросил Миша.

Сон посмотрел на него долгим тяжелым взглядом и неожиданно признался:

– Не очень.

– Вы хотите посоветоваться с прагматиками? – догадался

Игорь.

– Не то чтобы посоветоваться… – Сон замялся. – А в принципе – да. Раз вы прагматики, то не можете не понимать, что шансы добраться до Баргона у нашего экипажа равны шансам отправиться на пополнение запаса биомассы в трюме главного модуля. Вас в этом случае ждет то же, что и нас, и потому земляне вы или баргонцы, значения не имеет. Мы люди, а биомех – мыслящее существо. Даже не гуманоид. Так что выкручиваться нам придется вместе.

– Если выкрутимся, вы нас отпустите? – спросил Игорь.

– Конечно же, нет, – ответил Сон. – Во-первых, не на чем – у биомехов нет вспомогательных шлюпок, а во-вторых, незачем. Через месяц-другой начнется война, и пленных будут обменивать пачками. В этом случае, вы попадете домой быстрее, чем добрались бы на шлюпке до ближайшего маяка или колонии.

– Я с вами согласен, но тем не менее вы лукавите, Сон, – ответил Спиваков. – Вы же прекрасно знаете, что нас никто обменивать не будет. Вы что-то пронюхали о моей деятельности. Иначе ваши десантницы не стали бы устраивать мне ночь длинных ножей в отеле «Инварин». Уж давайте откровенничать до конца – что вам известно?

– Вам действительно есть что скрывать? – искренне удивился Сон. – Полученное задание мне показалось обычной подстраховкой, неким отсечением отвлекающих версий. Видимо, наша разведка вышла на какую-то важную персону и

решила устранить всех, кто мешает к ней приблизиться. А возможно, и более того. Я знаю, что таким образом неоднократно удавалось подменить андроидами слуг или даже близких людей объекта «охоты». Подобные агенты могли шпионить в течение долгого времени и потому приносили короне бесценную пользу. Видите, я не спрашиваю, чьим приближенным пилотом вы служили. Мне это неинтересно. Но раз уж вы боитесь попасть на Баргон, давайте договоримся о более приемлемых условиях. Мы можем дозаправиться на Гексагоне. Там у моих десантниц полно друзей противоположного пола, и, пока они будут бегать на свидания, вы сможете удрать. Как вам такой вариант?

Игорь ему, конечно же, не верил, но дальнейшие препирательства не имели смысла, хотя бы потому, что в сложившейся ситуации гораздо важнее было выжить, а извлечение из этого максимальной выгоды отступало на второй план.

– Хорошо, капитан, мы с вами, – согласился Спиваков.

– Отлично, – Сон обрадованно пожал его руку, – хотя бы вас не пришлось долго упрашивать! Если ситуация осложнится – выходите из камеры и идите влево, там рубка. Дверь запирать я не буду.

– Прекрасно, – сказал Игорь. – Только как мы узнаем, что ситуация осложнилась?

Сон молча пожал плечами и развел в стороны мускулистые руки…

А узнали это они довольно просто. Стоило пленникам снова задремать, как в стене открылась заслонка воздуховода и через нее вместо смеси живительных газов полезла зловонная желто-зеленая биомасса…

11
«Галактика». Ударные силы

– Я не совсем понимаю, господин Адмирал, почему вы формируете ударную группу из одних биомехов? – Секретарь, получивший на время войны чин общевойскового генерала, прошелся по каюте своего корабля от стены к стене. Он невольно подсчитал шаги и пришел к выводу, что его кабинет в баргонском дворце был ровно в пятнадцать раз просторнее.

– В системе планеты Ая нет ни одного портала, и мы не можем перебросить туда крейсеры или другие обычные корабли. Но, даже если бы они там были, выиграть сражение мы способны, только появившись со всех сторон, неожиданно окружив группировку противника и подавив ее интенсивным огнем. Вооружения наших биомехов для этого будет вполне достаточно, – пояснил Викторов.

– Вы просите меня возглавить группу, но я не военный и не смогу отдать ни одного толкового приказа, – продолжая сомневаться, сказал Секретарь.

– Вы должны будете лишь контролировать точное выполнение приказов верховного командования. Тактические задачи оперативный штаб ударной группы решит самостоятельно. В нем достаточно толковых офицеров. В первую очередь это контр-адмирал Аксенов, командующий группой.

Он уже не в первый раз проводит подобные операции. Формально вы будете его заместителем.

– Хорошо, раз этого требует мой долг перед «Галактикой», я согласен, – ответил Секретарь. – Но в чем конкретно будет заключаться моя миссия?

– Наблюдать, делать выводы и запоминать, – ответил Викторов. – Это первый опыт применения новой тактики – использования биомехов в группе. Наши разведчики – те что принесли подтверждение вашей информации – оставили на орбите планеты Ая гиперпространственный маяк, поэтому весь ваш отряд выйдет согласованно и без особого разброса. Потом вы перестроитесь для атаки и разгромите вражеский флот прямо на базах, пока они будут состыкованы в свои «виноградные грозди». Внезапность нападения бесспорно обеспечит вам преимущество и сведет риск для наших кораблей к абсолютному минимуму.

– Но боевое охранение противника видело последних разведчиков. Вы не допускаете мысли, что гипермаяк обнаружен и баргонцы ждут нас на выходе? – резонно сомневаясь, спросил Секретарь.

– Сыромятин ошибся в типе посланных «прыгунов», но он был все-таки настоящим профессионалом. Все четыре электронных корабля дальней разведки были трофейными. Их мы отбили еще десять лет назад, во время пограничных инцидентов с «крабами». Так что баргонцы не могут знать наверняка, кто следил за их плацдармом, а тип кораблей ука-

жет им ложный путь. Рассудите трезво: баргонцы оборудовали базу в пространстве «крабов», причем с их ведома. Так могут ли они рассчитывать на то, что союзники не станут проявлять никакого любопытства? Скорее всего баргонцы решили, что гостеприимные хозяева страхуются и при помощи своих разведчиков пытаются хоть как-то контролировать их действия.

– В таком случае биомехи не должны были сбивать эти корабли, – возразил Секретарь.

– Возможно, в их договоренности был четко сформулированный пункт о том, что Союз Семи Систем не имеет права проявлять излишнюю активность, – ответил Викторов. – В любом случае – маяк находится в гиперпространстве, и обнаружить его очень непросто, а обломки «прыгунов» четко указывают на их «крабовидное» происхождение. На месте баргонцев я бы не слишком беспокоился.

– Хорошо, – повторил Секретарь. – Мне все ясно.

– Тогда за дело, – подбодрил его Викторов и отключил связь.

– «Защитник», – обратился к своему кораблю Секретарь, – передай капитану, что мы летим к Центавру, в распоряжение контр-адмирала Аксенова.

– Слушаюсь, господин Секретарь, – бесстрастным басом ответил биомех и, не дожидаясь команды с мостика, поднялся над стартовой площадкой.

– Господин Адмирал, прыжковый флот вошел в систему планеты Ая! – доложил Хайд, усаживаясь перед тактическим компьютером в рубке своего крейсера.

– Прекрасно, – ответил Викторов. – Операция началась. Десантные силы готовы?

– Все транспорты на рейде. Ли ждет приказа, – доложил Хайд.

– А ваш флот, Адмирал?

– Ударный флот вышел на позиции у порталов, – в голосе Хайда послышалось недоумение. – Вы сомневались?

– Не принимайте мои вопросы так близко к сердцу, – Викторов смягчил интонации. – Просто я как раз закончил новые расчеты и пришел к выводу, что нам следует войти в систему Баргона не после удара прыжкового флота по вражеской группировке, а прямо сейчас.

Хайд немного помолчал и согласился:

– Не вижу причин для промедления, господин Адмирал. Таким маневром мы не только более успешно решим боевую задачу, но и дезориентируем противника. Сводки с одного фронта перекроются сводками с другого, и Императору будет значительно сложнее принять решение, как действовать дальше. Ведь ему придется вводить в бой резервы, и он будет вынужден выбирать между двумя группами. Да, я согласен с вашим решением, господин Адмирал…

– Вот и прекрасно, – удовлетворенно проронил Викторов. – План вторжения у вас в компьютере. Приступайте…

В планетной системе Баргона, вокруг похожей на Солнце звезды, вращалось девятнадцать планет. Со второй по девятую баргонцы освоили довольно неплохо, и почти все порталы столичной системы располагались как раз в этом промежутке. Их было более двухсот, поэтому флот землян имел все шансы войти во вражеское пространство не только неожиданно, но и значительным составом. Основной удар Хайд решил нанести сразу по главному порталу на орбите четвертой планеты, которая больше была похожа на спутник Баргона, настолько близко к столице Империи проходила ее орбита. Тем не менее, по известным только одной природе причинам, четвертая планета летела вокруг звезды по собственной траектории, а влияние Баргона сказывалось лишь в том, что она находилась от него почти всегда на самом минимальном удалении. Между этими двумя соседками расположился насыщенный рукотворными объектами промышленный пояс искусственных спутников, станций, каркасных модулей и торговых площадок. В целом Баргон, Мигон – четвертую планету и простирающиеся между ними космические города можно было назвать единой системой. Это было тем более обоснованно, что при помощи заполняющих пространство между планетами построек была протянута уникальная сеть ретрансляторов для бытовых телепортов, и с Баргона на Мигон можно было попасть, не заботясь о билете на космический челнок. Баргонцы называли эту систе-

му «Мостом» и чрезвычайно гордились ее грандиозностью. Земляне, правда, оспаривали право баргонцев на идею, поскольку уже давно построили подобный мост к Луне, но, чтобы повторить подвиг соперников, им следовало протянуть цепь ретрансляторов не к естественному спутнику, а минимум до половины пути к Венере…

Выходить в столь нашпигованной постройками зоне было рискованно, однако здесь находилось сердце Империи, и командующий Ударным флотом не мог себе представить вторжения без удара через главные ворота – портал на орбите Мигона.

– Заградительный отряд противника блокирует основной портал, наша передовая группа отрезана, господин адмирал! – доложил старший офицер с корабля-корректировщика.

– Состав заградительного отряда? – спокойно спросил Хайд.

– Около трех сотен тяжелых электронных кораблей.

– Состояние вспомогательных порталов?

– В системе Баргона двести пятнадцать порталов, но все они по тревоге были перекрыты сетями минных и силовых полей.

– Пробивайте их автоматическими брандерами! Основную группу надо вывести из окружения!

– Баргонцы гасят маяки, господин адмирал. В невидимки превратились уже сорок три портала… сорок четыре…

пять… Они отсекают нас от своей системы! – возбужденно отрапортовал офицер.

– А вы ожидали, что они дадут нам войти беспрепятственно?! Прекратите считать! Ставьте аварийные маяки! Держите открытыми каналы связи на брандерах! Пусть ударные группы ориентируются на их сигналы и идут сразу же после проникновения автоматов в пространство противника!

– Мы потеряем первые десять кораблей из каждой группы как минимум, – возразил стоящий рядом с Хайдом на мостике его крейсера начальник штаба. – Тендеры не смогут пробить в защитных системах достаточные бреши.

– Мы потеряем гораздо больше, если станем медлить, – сурово отрезал Хайд. – Интервал между входящими в систему Баргона кораблями – десять секунд! Выполняйте!

– На связи корректировщик семнадцатой группы, – доложил вахтенный.

– Соединяйте! – разрешил Хайд.

– Мы отбросили баргонцев к пятой планете, – доложил командир корректировщика. – Под контролем четыре портала, в том числе – один орбитальный. Шестая планета системы Баргона окружена. Просим десант!

– Вас понял, – ответил Хайд и обернулся к начальнику штаба. – Передайте приказ генералу Ли. Пусть берет шестую планету. И перебросьте все группы вторжения с погасших точек входа на это направление. Нам следует закрепиться в баргонском пространстве.

– Корректировщик сто четыре! – снова крикнул вахтенный.

– Что у вас? – спокойно переключился на новый доклад Хайд.

– Требуется подкрепление в сектор триста шесть! – доложил капитан корректировщика.

Хайд бросил взгляд на карту. Сектор триста шесть располагался между Баргоном, третьей планетой от образующей систему звезды, и очень близким к четвертой планете поясом искусственных промышленных станций. В этом месте концентрация удобных для входа в систему порталов была максимальной.

– Уже теплее, – удовлетворенно заметил адмирал и распорядился: – Резерв – в сектор триста шесть! Закрепиться любой ценой!

– Если мы удержимся в этой точке, то баргонцы могут заказывать венки, – соглашаясь с решением адмирала, заметил начальник штаба.

– Не если, а когда, – поправил его Хайд. – Когда мы закрепимся!

– Снова сто четвертый! – крикнул вахтенный.

– Докладывайте! – ответил Хайд.

– Баргонцы взрывают заводские модули. Большинство порталов расположены в непосредственной близости. Нас затягивают в «котел».

– Без паники! – приказал Хайд. – Резерв на подходе! Про-

держитесь ровно десять минут!

– Есть, господин адмирал!

– Как ты думаешь, они заминировали эти заводы или стреляют по ним издалека? – спросил Хайд своего помощника.

– Вряд ли владельцы предприятий позволили бы властям минировать свою собственность. Бизнес есть бизнес, и при любом правлении он может жить и развиваться. Нет, это какая-то дальнобойная «артиллерия». Скорее всего – гиперторпеды. Все заводы обозначены маяками, чтобы при выходе из гиперпространства на них случайно не наткнулись какие-нибудь «прыгуны». Сейчас эта мера предосторожности обращается баргонцами в свою пользу. Они запускают торпеды по сигналам этих маяков, – заключил начальник штаба. – Предлагаю подавить сигнальные системы заводов электромагнитным импульсом.

– Согласен, – Хайд обернулся к вахтенному. – Дай связь со сто четвертым!

– На связи! – доложил командир корректировщика.

– Ударной группе в триста шестом секторе перейти на режим противолучевой защиты! Провести атомную бомбардировку по цепи вдоль пояса заводских модулей!

– Цели?! – уточнил корректировщик.

– Никаких целей – наша задача подавить электронные системы заводов электромагнитным импульсом, – пояснил адмирал. – Только и всего.

– Это не испортит системы жизнеобеспечения? – спохва-

тился начальник штаба. – На заводах полно людей…

– Не волнуйтесь, – успокоил его Хайд. – Я бывал на таких предприятиях. Как только отключится основная цепь питания, сработает аварийная. От жесткого рентгеновского и гамма-излучения они тоже защищены – промышленные космические станции строятся надежно. Никто и ничто особо не пострадает. Кроме маяков, которые предусмотрительные бизнесмены никогда не подключают к дублирующим системам питания.

– Интересно, почему? – спросил помощник.

– Это нечто вроде кнопки вызова полиции, – пояснил адмирал. – Заводы оборудованы лучевыми орудиями, и при нападении пиратов они могут довольно активно обороняться. Поэтому разбойники первым делом пытаются отключить силовые установки, чтобы вывести орудия из строя хотя бы на секунду. За это время пиратские биомехи успевают проникнуть в «мертвую» для пушек зону. Дальше, сами понимаете, за дело берется абордажная команда. Так вот, маяки, которые постоянно отслеживаются навигационной службой, в этот момент гаснут. То есть завод начинает представлять собой опасное препятствие для выпрыгивающих из гиперпространства кораблей. Для выяснения причин молчания маяков тотчас высылается патруль, а с полицией пираты предпочитают не связываться… Все очень просто.

– Действительно просто, – согласился офицер.

– Говорит сто четвертый! – ворвался в рубку голос кор-

ректировщика. – Господин адмирал, все в порядке. Торпедная атака прекратилась. Группа подкрепления прибыла! Корабли построены для атаки Баргона!

– Вперед! – коротко скомандовал Хайд и взглянул на часы. – Успеем еще и футбол посмотреть…

– Что? – не понял начальник штаба.

– Ничего, – Хайд махнул рукой. – Сегодня в симаринском инфопотоке трансляция финала по футболу. Земля против Купера…

– По футболу? – офицер удивленно вытаращился на адмирала.

– Забудь, – отрезал Хайд. – Это я сам с собой…

– Основной портал системы Баргона разблокирован! – доложил вахтенный. – Противник окружен в семи точках. Группировка врага у пятой планеты по-прежнему удерживает порталы. Туда стягиваются остатки баргонских кораблей с окраины системы.

– Немедленно разрушить все порталы у пятой планеты! – приказал Хайд. – Пусть посидят в своей мышеловке, пока мы не возьмем их столицу.

– Обнаружена группа торпедоносцев! – снова крикнул офицер. – Вероятно, это те, кто обстреливал заводской пояс. Они вышли через двухсотый портал и взяли курс на Баргон.

– Поздно же они спохватились, – злорадно улыбаясь, проговорил Хайд и потер руки. – Двухсотый у нас где?

– Вот, – начальник штаба развернул карту, – почти у солн-

ца, на орбите первой планеты.

– Весьма удачно, – Хайд усмехнулся. – Перебросьте навстречу противнику эскадру броненосцев. Им торпеды не страшны. Пусть воткнут этих вояк прямо в местный «Меркурий», а еще лучше – загонят в корону звезды.

– Похоже, кроме Баргона и Ригона – пятой планеты, очагов сопротивления не остается? – рассматривая движение светлячков, которые на тактической карте обозначали скопления кораблей, заметил начальник штаба.

– Ты расстроен? – спросил Хайд и, смеясь, похлопал помощника по плечу. – Не успел насладиться боем?

– Вообще-то успел, – признался офицер и тоже улыбнулся.

– Вахтенный, что слышно от корректировщиков прыжкового флота? – удовлетворенно спросил Хайд.

– Они пока молчат, – доложил вахтенный.

– Странно, – с лица адмирала медленно сползла улыбка, и ей на смену пришло озабоченное выражение. – Боевые корабли заняты, это я понимаю, но корректировщики… Свяжись с Викторовым!

– Флагман в гиперпространстве, – почти сразу ответил вахтенный. – Основной флот начинает входить в систему Баргона, но флагман пока вне зоны связи.

– Ладно, – спокойно сказал Хайд. – Подождем… Добрая старая битва…

– Простите, адмирал, я отвлекся. Что вы сказали? – пере-

спросил помощник.

– Добрая старая битва, – повторил Хайд. – Никаких ударов в спину от биомехов, натиск через порталы, кто кого… Это мне нравится гораздо больше, чем вылавливать хитроумные мыслящие корабли в собственных тылах! Здесь все решает огневая мощь и тактический талант. Разве это не более достойный способ ведения войны? Бой между полководцами. Бой между доблестными солдатами…

– Да, адмирал, я с вами согласен, – ответил начальник штаба. – Однако вам не кажется, что полное отсутствие в рядах баргонцев биомехов выглядит немного странно?

– Они все в Крабовидной туманности, – ответил Хайд и на некоторое время задумался. – Впрочем… Вахтенный!

– Слушаю, господин адмирал!

– Передай кораблям слежения и корректировщикам приказ развернуть поисковые сети. Возможно, в ближайшие минуты нас атакуют вражеские биомехи…

– Есть!

– Я почему-то вспомнил об Императорском резерве, – пояснил Хайд помощнику. – Думаю, он пошлет их сюда…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.